

АЛЕКСАНДРА ПЕНОВА

ПСИХО ТРЕНИНГ

Психологический детектив

Александра Пенова

**Психотренинг.
Психологический детектив**

«Издательские решения»

Пенова А.

Психотренинг. Психологический детектив / А. Пенова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964092-5

В жизни успешного психолога Валерия Петрова начинается череда странных событий: участник тренинга кончает с собой, клиентка развивает зависимость от обычных сосисок, а сотрудница знакомой фирмы трагически погибает при пожаре. Неожиданно для себя Валерий оказывается в центре расследования крупной преступной организации, которая получает огромные доходы, манипулируя человеческим сознанием. Он привык анализировать своих клиентов, но поможет ли ему это сейчас?

ISBN 978-5-44-964092-5

© Пенова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Психотренинг. Психологический детектив

Александра Пенова

Редактор Андрей Лузанов

Корректор Анна Абрамова

Дизайнер обложки Тая Королькова

© Александра Пенова, 2019

© Тая Королькова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-4092-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

7 апреля 2016 г., Санкт-Петербург

В центре психологической помощи «Эмпатия» шел третий час тренинга, когда Валерий решил объявить перерыв. Группа, в которой уже установилась обстановка взаимной влюбленности, как это часто бывает во время тренингов, дружно направилась в кафе на первом этаже, комментируя что-то по пути. Все шло по плану, но Валерию группа не нравилась. Формально причин для недовольства не было. Все участники проявляли интерес, да и люди интеллигентные, не такие, которые смотрят на тебя умными глазами и не понимают, что ты от них хочешь. Задания они выполняли, никаких провокаций и ерничества не наблюдалось, а вот энергии явно не хватало.

«А может, это из-за меня? – подумал Валерий. – Я тоже не в форме».

Валерий уже почти три года вел тренинги в психологическом центре «Эмпатия» и считался вполне успешным психологом. Сам центр имел репутацию одного из лучших в Петербурге. Люди в группы записывались, руководство обеспечивало заявки от фирм. Были и индивидуальны консультации, в ходе которых Валерий пытался сочетать свою любимую гештальт-терапию с проверенной когнитивно-поведенческой¹.

Вот только в последнее время он чувствовал, что не может работать, как раньше. Особенных сбоев не было, только куда-то ушло желание, драйв.

«Может, это выгорание?» – вопрос был задан самому себе.

Прошло три года, как он пришел в центр, а три года – большой срок. Получается, как в любви. Пылкие чувства прошли, а к прозаической реальности он еще не привык.

Долго заниматься самоанализом не пришлось. В комнату вошла Рая, работавшая секретарем центра.

– Валера, срочно зайди к Марику. Там что-то случилось.

«Вот и начальство в покое не оставляет», – подумал он.

– А что случилось?

– Не знаю, но они оба какие-то странные.

Они – это Марик, Марк Яковлевич Гуревич – генеральный директор и учредитель «Эмпатии» – и Гера, Дмитрий Геннадиевич Геров – его партнер. Марк был старше Валерия на четыре курса и почти семь лет. В отличие от Валерия, он выглядел очень солидным и ужасно серьезным. В университет поступил после армии, с самого начала учился на совесть, специализировался на медицинской психологии и прекрасно знал, чего хочет. В девяностые годы, поработав немного клиническим психологом в институте экспериментальной медицины, он открыл свой центр и за несколько лет успел стать преуспевающим бизнесменом.

Валерий поступил в университет семнадцатилетним балбесом из интеллигентной семьи. Почему психология? Хорошо звучит, что-то современное, и не идти же, в самом деле, в технический вуз, как советовали родители. Техника его совсем не интересовала, ему хотелось чего-то особенного, он и сам не знал чего. Может быть, разобраться в себе? Кажется, по этой причине поступило полкурса. В отличие от Марка, ни он, ни большинство однокурсников понятия не имели, чем будут заниматься в будущем. Но зато они любили обмениваться тестами, которые выпрашивали у преподавателей, и ставить друг другу диагнозы. Валерий иногда задавал

---

¹ Гештальт-терапия – немедикаментозная терапия, основанная на самопознании пациента. Она стремится к формированию и укреплению его целостной личности (гештальта). Когнитивно-поведенческая терапия стремится к изменению сознания человека через преодоление негативных мыслей и стереотипов, а также с помощью поощрения «правильного» поведения.

себе вопрос: а действительно ли это помогло ему познать себя? Ответ был разным в зависимости от настроения.

Марк и Гера сидели возле большого стола для совещаний, мрачно уставившись друг на друга. Валерий остановился у дверей, но руководство на его приход никак не отреагировало. Похоже, они вообще не заметили, что он вошел. Валерий кашлянул, постарался погромче выдать из себя «хм» и, увидев слабую, но все-таки реакцию, спросил:

– Что-то случилось?

– Случилось, – нервно ответил Гера. – Ты в начале месяца вел тренинг в «Компе».

Тон был явно обвинительным, что показалось Валерию довольно странным. «Комп» – так они обычно называли «Компрестарт», компьютерную фирму, которая уже несколько лет была их клиентом. Тренинг с компьютерщиками у него действительно был, но никаких проблем по его ходу не возникало. Да и сам факт, что Гера позволяет себе такой тон, выглядел необычно. Хотя Марк и Гера были его начальниками, отношения у них сложились скорее дружеские. Во всяком случае подобный тон в разговоре с ним никто из них никогда себе не позволял. Интересно, что там такого произошло в этой фирме? Он постарался говорить максимально спокойно.

– Я вел. А в чем дело? Какие-то проблемы, жалобы?

– Человек там погиб. Они считают, что из-за тренинга.

– Подожди, какой человек? И при чем тут тренинг? Расскажи, что конкретно случилось.

В этот момент вмешался Марк. Он имел манеру слушать разговор и вмешиваться тогда, когда возникало напряжение и нужно было рационально и спокойно все объяснить.

– В понедельник, три дня назад, сотрудник «Компрестарта» Снегирев Виктор Анатольевич покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна своего дома с шестнадцатого этажа. Погиб на месте. Перед смертью он оставил записку, в которой написал, что неделю назад присутствовал на тренинге личностного развития. Тренинг заставил его задуматься о себе и о смысле жизни в целом. Он думал и пришел к выводу, что жизнь бессмысленна, что его личность не представляет ценности, поэтому нет причины продолжать.

Валерий удивленно посмотрел на Марка, после перевел взгляд на Геру. Ему показалось, что в их взглядах содержится осуждение.

– Ты хоть помнишь его? – спросил Гера.

С самого начала, как только Марк произнес фамилию «Снегирев», Валерий усиленно пытался вспомнить, о ком идет речь, но вспомнить удалось немного. Какая-то безличная фигура в джинсах и сером пиджаке, лет тридцать с небольшим. Кажется, он сказал, что работает системным аналитиком. Чем именно занимается системный аналитик, Валерий точно не знал, но фирма была компьютерная. Для простоты Валерий, как и большинство людей, не сведущих в информационных технологиях, считал, что все сотрудники там программисты, а уже между собой они подразделяются на какие-то подвиды вроде системных аналитиков, администраторов и прочих.

Руководство этой фирмы было продвинутое, любило заказывать всякие тренинги и тимбилдинги, считая не без оснований, что у компьютерщиков часто бывают проблемы с коммуникацией. Организация была достаточно богатая, начальство любознательное, поэтому, помимо прагматических тем «Как улучшить коммуникацию с клиентами» или «Ведение переговоров: ты в выигрыше, я в выигрыше», заказывали и общие тренинги. Например, «Развитие творческого потенциала», «Открой в себе лидера» или как тот, в начале месяца. «Личностный рост».

– Ты хоть что-то можешь вспомнить? – продолжал Гера. – Может, случилось что-нибудь необычное во время тренинга?

Валерий мучительно пытался вспомнить, что-то вертелось в голове. Да, вот оно!

– Когда все получили задание сформулировать свою главную цель на ближайшие три месяца и написать ее на листке бумаги, Снегирев написал: «Решить задачу». Его сразу же стали

спрашивать: «Что за задача, объясни». Он только отрицательно покачал головой и сказал тогда: «Еще рано». Может, это как-то связано?

– Может, и связано, – задумчиво ответил Гера. – Только нам звонили из полиции. Спрашивали, что за тренинг, кто проводил, сказали, что придут. С тобой побеседуют.

– Да черт с ней, с полицией, – воскликнул Марк. – Лишь бы журналисты не пронюхали! Ты же знаешь, какие сейчас настроения. Что тренинг, что секта... Для них все равно. А тут готовая сенсация. Шарлатаны зомбируют честных людей, побуждают к самоубийству... Короче, хана всем нам будет, это точно!

* * *

Вернувшись домой после тренинга, Валерий понял, что и там покой его не ждет. Ленка, подруга жизни в последние полтора года, встретив его на пороге, с ходу принялась объяснять, что все эти теории про холестерин и вред жирной пищи – ерунда собачья. Главное – это не есть сахара, никакого, причем речь идет не о тортиках или конфетах, а обо всем, что вообще может содержать сахар. Валерий уже привык ко всяким теориям. Ленка была одержима темой здорового питания, но сейчас это его раздражало. Ему хотелось остаться одному и попытаться вспомнить чертов тренинг во всех подробностях. Но Лена не унималась, по ее словам, было полностью доказано, что сахар – это настоящий наркотик, хуже героина.

Валерий извинился и сказал, что плохо себя чувствует, похоже, простудился, и поэтому пойдет полежит. Сердобольная Ленка тут же побежала на кухню варить чай из целебных трав, а Валерий улегся на старый любимый диван и попытался вернуться к тому дню.

Что-то там еще было странное, но что? Появилось знакомое чувство, когда какая-то мысль вертится в подсознании, уже совсем близко, а в сознание не может прорваться. Мешает барьер. Барьер – это обычно защита.

«Но отчего я сейчас защищаюсь?»

Ответа в этот вечер он так и не смог найти.

30 марта 2016 г., Москва

Ольга Алексеевна Калинина привычным жестом поправила выбившиеся из гладкой прически волосы и начала презентацию. Презентация была для своих, таких же, как она, представителей компании. Для Ольги подобные презентации были самыми трудными. Она знала, что все внимательно слушают, да и публика в основном настроена доброжелательно, но, несмотря на всю свою доброжелательность, коллеги замечали каждую неточность и задавали вопросы, иногда весьма каверзные. Презентации Ольги всегда ждали с нетерпением. Она слыла умницей, а про ее интеллект и эрудицию ходили легенды. Вот и сейчас представители фирмы, приехавшие на семинар в Москву из самых разных краев большой страны, смотрели на нее с нескрываемым любопытством, приготовив блокноты и ручки. Некоторые, особенно продвинутые, сидели с ноутбуками.

В этот раз речь шла о косметике и ксеноэстрогенах – искусственных аналогах женских гормонов. Обычно это были продукты нефтепереработки, которые входили в состав почти любой косметики и официально считались безвредными.

Слушали внимательно, и Ольга удовлетворенно отметила про себя, что за все полтора часа никаких посторонних разговоров в аудитории не было. В конце, когда она, как обычно, спросила, есть ли вопросы, неожиданно поднялась рука. Неожиданностью было то, что руку поднял Антон – медицинский представитель из Питера, который, как правило, никаких вопросов не задавал. Он работал в компании уже два года, аккуратно присутствовал на всех мероприятиях, вел записи, но почти никогда не высказывался. Коллеги объясняли это стеснительностью. Антон, высокий, крупный, немного неуклюжий парень лет тридцати пяти, действительно

казался стеснительным и немного неуверенным в себе. Знали про него мало. Вроде он врач по образованию и работает в каком-то медицинском центре в Петербурге. Место, похоже, было не хлебное. Одевался он, прямо сказать, плоховато. Это было особенно заметно на фоне других представителей, которые, приезжая на фирменные мероприятия, старались вырядиться наилучшим образом. Говорили, что у него жена и двое детей. У второго ребенка ДЦП, поэтому жена сидит дома. Его немного жалели, но сблизиться с ним никому не удавалось.

Антон поднялся, смущенно огляделся и сказал:

– Я хотел спросить. В прошлый раз вы рассказывали об усилителях вкуса, говорили, что там какие-то новые вещества разрабатываются очень вредные, что вы ведете свое расследование. А есть какие-то результаты?

– Расследование веду не я. Я просто помогаю. А об окончательных результатах говорить еще рано, может быть, через месяц-два будет ясно. Но там положение страшное, просто я не могу об этом говорить, пока нет ясных доказательств.

Антон кивнул и сел. Дальше пошли стандартные вопросы. Про «чистую» косметику, про эффективность антиоксидантов и коллагена... Про все то, что обычно интересует женщин, ведь большинство из присутствующих принадлежали именно к этому полу.

Домой Ольга Алексеевна вернулась около шести. Хотела быстро привести себя в порядок и к восьми поехать в МХАТ. Когда приезжали представители из провинции, руководство фирмы старалось сделать подарок – билеты в театр или на хороший концерт. В этот раз выбор пал на МХАТ, Ольга была страшно рада. Это же ее любимый театр!

В квартире никого, кроме нее, не было. Дочка Катя, второкурсница МЭИ, уехала на несколько дней с друзьями во Владимир. Как всегда, когда Ольга оставалась одна в квартире, у нее появилось ощущение пустоты и свободы. Как будто она совсем юная – нет ни работы, ни ипотеки, ни ребенка, который, хотя и почти взрослый, тоже требовал заботы.

Ольга заварила зеленый чай и вдруг почувствовала, что ей ужасно хочется спать. Взглянув на часы, она решила, что время еще есть. На метро от Сокольников ехать минут двадцать, а на то, чтобы привести себя в порядок, много времени ей не требовалось. В конце концов, имеет же она право вздремнуть полчаса после напряженного дня! Ведь даже такой краткий сон бодрит, по крайней мере, так пишут в научных журналах. Ольга Алексеевна Калинина легла на диван в гостиной, укрылась клетчатой пледом и больше никогда не проснулась.

* * *

Андрей Павлович Краснов, генеральный директор компании «Хэлфи Ливинг», сидел в своем кабинете и, глядя в ноутбук, пытался систематизировать результаты вчерашнего семинара. Все прошло превосходно. Были интересные презентации, много вопросов, представители остались довольны и, самое главное, воодушевлены на продуктивный труд. Труд действительно должен был быть очень продуктивным. Следовало хоть как-то компенсировать рост доллара в последние два года и последующий спад продаж, но об этом на семинаре, естественно, много не говорили. Как известно, плохие новости демотивируют. Руководство в его лице отделалось замечанием о «временных трудностях», хотя на самом деле трудности из временных становились постоянными. Как с ними справляться, у Краснова не было ни малейшей идеи.

Зазвонил телефон. Аня, новая и совсем молоденькая секретарша, тоненьким голоском пропищала:

– Андрей Павлович, вас профессор Никольская спрашивает.

Никольская была весьма энергичной дамой, на вид лет семидесяти. Но, как сказали Краснову, на самом деле ей было под восемьдесят. Впрочем, возраст не мешал ее бешеной активности. Она все еще работала заместителем директора Института здорового питания, где

одновременно заведовала отделом, преподавала и участвовала в огромном количестве всяких комиссий и научных советов.

– Андрей Павлович, у нас беда, большая беда!

Краснов удивился. Профессор Никольская была человеком, который никогда не жаловался, и уж тем более она не стала бы жаловаться ему. С Красновым Никольская общалась крайне редко и относилась к нему с некоторым высокомерием, как представитель старой интеллигенции к «новому русскому».

– Что случилось, Татьяна Гавриловна?

– Оленька погибла, сгорела.

Краснову показалось, что Никольская плачет.

В первый момент он вообще не понял, о ком идет речь. Оленька, какая еще Оленька? Она про Ольгу Калинину говорит? Профессор Никольская была начальником Ольги Калининой в Институте здорового питания, но Краснов об этом почти забыл. С Никольской они никогда не разговаривали об Ольге. Их редкое общение обычно было связано с тем, что Никольскую приглашали прочитать лекцию на каком-либо престижном фирменном мероприятии или посидеть в президиуме, и то, и другое за весьма внушительный гонорар.

С тайной надеждой, что, может быть, речь идет не о Калининой, а о ком-то другом, Андрей переспросил:

– Татьяна Гавриловна, вы про Ольгу Алексеевну? С ней что-то случилось?

– Нам в Институт только что звонили из полиции, сказали, что у Ольги в квартире был пожар и она отравилась угарным газом. Не могу поверить, такая умница, – Никольская и вправду плакала.

– Татьяна Гавриловна, успокойтесь, – Краснов растерялся и не знал, что сказать. Но сказать что-то было нужно, и он спросил:

– Она была одна?

– Одна, совсем одна, дочка уехала куда-то. Я им сказала, что она вчера была весь день у вас на семинаре. Может быть, они к вам придут.

Кто придет? Зачем? Краснов ничего не понял. Зачем кому-то к нему приходиться, если он ничего не знает.

– Но... Как это произошло, Татьяна Гавриловна?

– Я сама почти ничего не знаю, Андрюша.

Андрюшей она назвала его первый раз. Как правило, она обращалась к нему «Андрей Павлович» и только иногда, когда Никольская находилась в хорошем настроении, – просто «Андрей». «Андрюша» прозвучало очень по-домашнему и напомнило ему бабушку. Краснову почему-то стало жаль Никольскую.

Та продолжала:

– Я думаю, полиция что-то подозревает. Спрашивали, где Ольга была последние дни, не угрожал ли ей кто-нибудь.

«Вот те на! Получается, что Ольгу могли убить, но кто?»

Эта мысль Краснову совсем не понравилась. Еще больше ему не понравилось промелькнувшее неприятное чувство, что впереди его лично и фирму могут ожидать большие проблемы.

– Татьяна Гавриловна, вы имеете в виду, что это поджог? Получается, что Ольгу убили?

– Да, именно так. Простите, не могу больше говорить, потом созвонимся.

Раздались гудки. Краснов смотрел на телефон и ничего не понимал. Ольга? Но почему Ольга? Она же никакая не бизнесвумен, человек науки, бесконечно далекий от всяких бандитских разборок. Немного заносчивая, но в принципе не конфликтная. Почему? Во что она могла вляпаться?

* * *

Антон возвращался домой в Петербург скоростным дневным поездом. Ночные он не любил, самолетом было дорого, да и неудобно. Пока до аэропорта дотащишься, на поезде уже полпути проедешь. Кроме того, сама обстановка в поезде создавала ощущение спокойствия и благополучия.

Он смотрел в окно и, как водится, размышлял о контрастах русской жизни. Блеск Москвы позади, впереди – аристократизм Петербурга, а посередине – леса, болота и унылые деревянные домишки, не менявшиеся с середины прошлого века. Философские размышления Антона прервал звонок телефона. Звонила Вика – медицинский представитель из Москвы. Вика называла ему часто, под различными предлогами. Иногда ему даже казалось, что у нее есть на него какие-то виды и она пытается привлечь внимание. Но, как говорили друзья-психологи, возможно, он просто принимал тайное желание за действительность. Как бы там ни было, разговаривать с ней ему было приятно.

– Привет, Вика!

– Антоша, ты слышал, что у нас случилось? Про Ольгу знаешь?

– Нет, а что я должен знать? У нее проблемы какие-то?

– Она сгорела вчера у себя в квартире, задохнулась угарным газом. Полиция считает, что это мог быть поджог.

– Да ты что? Ее, получается, убили? – это казалось странным, но Антон не удивился. Где-то внутри он почувствовал, что произошло нечто закономерное.

Вика продолжала:

– За что ее?

– Не знаю, – о своих чувствах Антону рассказывать не хотелось.

Они поговорили еще несколько минут, вернее, говорила Вика. О том, как ей жаль Ольгу, какая она была талантливая и вообще, как все в жизни получается. Не знаешь, что тебя завтра ждет.

После разговора с Викторией Антон, немного подумав, решил, что надо позвонить Краснову. Проблема была в том, что звонить Краснову он не любил. Шеф всегда держался любезно, даже по-дружески, по почему-то именно эта дружелюбность каждый раз напоминала Антону про разницу в их положении, которая была совсем не в пользу Антона. Оба были примерно одного возраста, но вот только Андрей Краснов работал генеральным директором крупной преуспевающей компании, владел роскошной квартирой в престижном районе Москвы и домом за городом. А еще почти новый «лексус», недвижимость за границей, то ли в Болгарии, то ли в Греции, жена-красавица, двое детей. Антону по части материальных благ похвастаться было нечем. Обычный врач с посредственной зарплатой в ничем не примечательном медицинском центре, «двушка» в Купчино, жена, к которой он испытывал больше жалости, чем любви. Хотя детей тоже было двое, и его дети были ничем не хуже, даже лучше! Мишка в девять лет уже в компьютерах разбирается, а шестилетняя Лерочка – красавица, да и от ее ДЦП почти ничего не осталось, только немножко хромотает.

«Ладно, хватит комплексовать!» – дал себе команду Антон. Звонить все-таки было нужно. Он снова вынул телефон.

– Здравствуйте, Андрей Павлович. Это Антон вас беспокоит.

– Добрый день, Антон Дмитриевич.

Голос прозвучал любезно, но в ответе чувствовалась легкая досада. Мол, а зачем ты меня беспокоишь. Впрочем, может быть, Антону так послышалось, в отношениях с Красновым он всегда был мнительным.

– Андрей Павлович, вы в курсе насчет Ольги Алексеевны?

– Да, а вы откуда узнали?

Антону показалось, что Краснову совсем не нравится то, что его подчиненный об этом узнал. Но, может быть, просто показалось? Вслух он ответил:

– Мне Вика позвонила, сказала, что Ольга погибла при пожаре, полиция подозревает убийство. Вам не кажется, что это связано с ее разработками?

– А какими именно разработками? Что вы имеете в виду? Она же, по-моему, энзимами занималась.

– Энзимами – это на работе, в Институте. Но у нее были и самостоятельные исследования. Она интересовалась всякими вредными добавками вроде ксеноэстрогенов. Вы же помните ее последний доклад на семинаре?

– Хотите сказать, что ее из-за ксеноэстрогенов убили? Да о них весь Интернет пишет.

– Да там не только ксеноэстрогены. Она и усилителями вкуса интересовалась, и некоторыми антиоксидантами.

– А при чем тут антиоксиданты, они же полезные?

– Да, но полезные-то в меру. Она, насколько я знаю, интересовалась некоторыми очень сильными антиоксидантами, которые блокируют воспалительные реакции.

– Так это же хорошо! Сейчас везде пишут, что все проблемы со здоровьем от воспалительных процессов.

Антон почувствовал раздражение на Краснова. Почему люди, которые далеки от медицины, всегда так безапелляционны в своих высказываниях, когда речь идет о здоровье? Как у них все просто! Собрав в кулак все свое терпение, Антон попытался объяснить.

– Понимаете, они в некоторых случаях могут блокировать острые воспалительные реакции, и тогда человек не может защититься от инфекций. Надо обязательно сообщить об этом в полицию!

– О чем, об антиоксидантах?

Вопрос прозвучал по-дурацки, и Антон уже по-настоящему разозлился.

– О том, что она занималась самостоятельными исследованиями и, возможно, затронула чьи-то интересы.

– Хорошо, если оттуда позвонят или придут, я им скажу. Спасибо за звонок.

Антон задумался. Краснову, похоже, все было по барабану. «Если позвонят...» А что, он сам позвонить не может? Вопрос был в том, почему это так волнует его самого? С Ольгой они не были близки, скорее, их отношения можно было определить как взаимное уважение. Ему было с ней интересно! Высокая, немного полная для своих лет, но при этом очень подвижная, Ольга была похожа на молодую профессоршу из какого-то фильма, название которого Антон не помнил. Она бы, наверное, и стала профессором в ближайшие годы, если бы не это несчастье.

Он снова вспомнил снисходительный тон Андрея. Это его покорило. Разве можно так? Хотя, наверное, так и нужно. В последнее время он все больше задумывался, почему одни бывают успешными, а другие нет. Вот как Краснов и он сам. Наверное, потому что успешным на все плевать, у них есть своя цель, а о другом и о других они не думают. Может, я им просто завидую? С Валеркой, другом-психологом, они часто разговаривали на эти темы. Тот говорил, что зависть – самое неконструктивное из человеческих чувств. Когда завидуешь, постоянно сравниваешь себя с кем-то и постоянно находишь объект для сравнения, который в чем-то лучше тебя. И ты уже не можешь жить своей жизнью, не можешь радоваться тому, что есть. Ты становишься неблагодарным, а когда ты неблагодарен по отношению к жизни, то и она не хочет тебя благодарить. Наверное, это все было правильно, вот только как можно жить, не сравнивая себя ни с кем?

С Валеркой они дружили с детства, выросли в одном дворе, когда оба с родителями жили в центре. Валерий был старше, с малых лет казался очень рассудительным, и Антон привык к нему прислушиваться, но в последнее время он начал относиться к нему скептически. А вот

жена Антона, Наташа, слушала Валерку как гуру, внимая каждому слову. У Валерки и на это имелось объяснение. Женщины чаще обращаются к консультантам, потому что воспринимают это как социальную поддержку, а вот для мужчин обратиться к психологу значит потерять статус.

Мужчины склонны воспринимать мир как вертикальную структуру «доминантность – подчинение». И если ты позволяешь кому-то давать тебе советы, это автоматически ставит тебя в подчиненную позицию. Может быть, и в этом Валерка прав, но сейчас ему, Антону, не до сложных психологических конструкций. Надо выяснить, что же все-таки случилось с Ольгой. Он чувствовал, что обязан это сделать, хотя не до конца понимал почему.

* * *

Профессор Татьяна Гавриловна Никольская уже два часа пыталась написать рецензию. Она сидела на веранде дачи перед новеньким ноутбуком, подаренным дочерью на день рождения. Ноутбук был самым современным, с последними версиями всех программ, но именно это и раздражало Никольскую. Со стареньким было намного удобнее. В ее возрасте привыкать ко всяким новшествам было уже нелегко, к тому же сама рецензия давалась трудно. За два часа удалось написать только полстраницы. Она тяжело вздохнула.

«Ну что ж это такое! Неужели я уже ничего не соображаю от старости?»

Но вместо того чтобы думать о скучной диссертации, которая лежала перед ней, в голову лезли совсем другие мысли. Ольга была любимой ученицей Татьяны Гавриловны. Она была немного похожа на саму Никольскую в молодости. Такая же честолюбивая и в то же время идеалистка, которая думает, что может изменить мир.

Чем же она все-таки занималась? За что ее убили, если, конечно, это было убийство? Ольга не любила рассказывать о своих разработках, которые не были связаны с их Институтом.

Как человек старой генерации, профессор Никольская отличалась крайней щепетильностью в вопросах собственности. После звонка из полиции ей даже в голову не пришло посмотреть Ольгины папки, компьютер. А может быть, следовало? Полиция ведь тоже до сих пор этого не сделала, а когда они придут в Институт, то компьютер, наверное, просто унесут с собой. Татьяна Гавриловна решила, что завтра, когда вернется в Москву, обязательно начнет с этого. Черт с ней, с щепетильностью! Полиция в этой материи не разбирается, а она, возможно, найдет какую-нибудь зацепку. Только бы закончить эту проклятую рецензию!

* * *

Теория личностных конструкторов Джорджа Келли² рассматривает человека как исследователя жизни. Человек непрерывно создает гипотезы и пытается их проверить, а для этого он использует систему биполярных конструкторов. Конструкторы – это двухполюсные шкалы, которые формируются у каждого из нас в процессе жизни. На полюсах этих шкал находятся понятия с противоположными значениями, например, мир – война, хороший – плохой, гениальность – бездарность. У каждого эти шкалы разные, и, когда мы сталкиваемся с новым человеком или явлением, мы находим ему место в нашей системе конструкторов. Если узнать, какую систему использует человек, можно многое понять о его мыслях, мотивах и поступках.

Когда-то Валерий писал курсовую на эту тему. Вчера вечером он, перебирая старые тетрадки с благими намерениями навести порядок в шкафу, наткнулся именно на нее. Сейчас, глядя на Аллу Викторовну, он подумал: «Можно ли это как-то применить к ней?»

---

² Известный американский психолог XX века.

Алла Викторовна была давней знакомой Валерия. Несколько лет назад, еще когда он работал в другом центре, она обратилась к нему с жалобами на обсессивно-компульсивное расстройство. Или, как его называли раньше, невроз навязчивых состояний. Оно выражалось в том, что, уходя из дома, Алла Викторовна должна была раз по пять проверить, выключила ли она утюг, плиту, кофеварку, свет и т. д. В результате выход из квартиры превращался в долгий и мучительный процесс минут на сорок. Выйдя из подъезда, она обычно возвращалась, чтобы удостовериться, что дверь заперта. В свое время Валерий дал Алле гениальный, по его мнению, совет. Метод назывался «фиксация» и был очень простым. «Перед тем как сделать действие, которое потом может вызвать сомнение, постарайтесь сосредоточиться. Выполните само действие, например, выключите утюг, выньте штепсель из розетки. Посмотрите внимательно на пустой контакт и скажите себе „фиксация“».

Совет сработал. Не то чтобы Алла Викторовна совсем отказалась от проверок, но их стало значительно меньше. Постепенно ситуация нормализовалась.

Правда, потом случился еще один кризис. Она купила желанную машину, которая стояла на парковке. Каждая попытка Аллы Викторовны сесть в машину и проехать пятьсот метров сопровождалась огромным напряжением, граничащим с паникой. Алла боялась задавить человека, постоянно думала, как она мешает всем остальным водителям, чувствовала, что машина ее не слушается, не любит, а все вокруг смеются над ее неловкостью и бездарностью. Валерию потребовалось около года работы, чтобы с этим справиться. Помогла «диссоциация» – прием из модного нейролингвистического программирования. «Диссоциация» – это когда представляешь себя со стороны. Метод помогает, особенно когда речь идет о фобиях, потому что собственные действия со стороны часто кажутся смешными и нелепыми.

Сейчас Алла Викторовна водила машину как заправский таксист, но два месяца назад она снова появилась у него в кабинете. На этот раз с жалобами на непонятные головные боли и приступы тоски. Именно тоски – это слово наиболее точно описывало ее состояние. Приступы появлялись внезапно, и в такие моменты Алле Викторовне хотелось, как собаке, у которой умер хозяин, смотреть на луну и выть. Сначала Валерий решил, что речь идет о высокой первичной, то есть врожденной, тревожности, которая ищет способы себя проявить. Когда один путь закрывается, находится другой. Можно было, конечно, выписать ей лекарства, но, во-первых, Валерий как психолог не имел права их выписывать, а во-вторых, и сама Алла Викторовна утверждала, что не хочет их принимать. Как человек добросовестный, он все-таки послал ее к неврологу. Тот назначил исследования, ничего не нашел, заявил, что все это у нее на психогенной основе, и предложил вернуться к психологу.

«Черт бы его побрал, этого невролога продвинутого!» – думал Валерий. Круг замкнулся, и он, честно говоря, не знал, что делать дальше.

Когнитивно-поведенческая терапия не помогала, не помогали и никакие другие терапевтические приемы, которые были ему знакомы. Вот и сейчас он вместе с Аллой пытался выяснить, что обычно предшествует таким приступам, но в том, что рассказывала Алла, никакой закономерности найти не удавалось. Может, и правда надо посмотреть, какие конструкты она использует? Ведь если система конструктов неадекватна или не может меняться, то и картина действительности получается искаженной, а отсюда и проблемы. Но для диагностики системы конструктов нужен был специальный тест, «репертуарные решетки», которого у Валерия не было. Решив про себя, что попробует его раздобыть у коллег, он снова попытался сконцентрироваться на разговоре с Аллой Викторовной.

Консультация внезапно прервалась, когда в комнату вошла Рая. Валерий возмущенно поднял брови и постарался посмотреть на нее как можно более свирепо. Прерывать консультацию – это абсолютное табу, известное всем сотрудникам. Свирепый взгляд, наверное, не получился, потому что Рая совсем не смутилась.

– Там из полиции пришел какой-то тип. Срочно хочет с вами поговорить, – голос Раи звучал чуть взволнованно.

– А этот тип подождать не может?

– Ну, ты же понимаешь, полиция...

– Ладно, пусть войдет.

До конца консультации оставалось не больше десяти минут. Валерий извинился и пообещал их компенсировать в следующий раз. Про себя он подумал: «Может, так и к лучшему, все равно сегодня не знаю, что с ней делать».

В комнату, едва не столкнувшись с Аллой Викторовной, вошел мужчина лет тридцати восьми.

– Здравствуйте, оперуполномоченный криминальной полиции, капитан Карасев. Можем поговорить?

Интересно, а что было бы, если бы Валерий сказал «нельзя»?

Вопросы капитана были совсем предсказуемы. Кто заказал тренинг, как он проходил, было ли что-то странное.

Валерий рассказал про странный ответ Снегирева: «решить задачу».

– Какую задачу?

– Да никто не знает. Он же отказался объяснять.

– А что-нибудь еще можете вспомнить?

– Нет, – с момента разговора с Марком и Герой прошло уже три дня, и все это время Валерий пытался вспомнить, было ли там еще что-то странное, но вспомнить не удавалось. Хотя...

– Да, вот еще! У них было задание. Каждый должен был выбрать какого-либо героя, литературного или исторического, на кого он думает, что больше всего похож. И объяснить почему. Так вот, Снегирев выбрал Давида.

– Это какого? Царя что ли?

– Вот именно, библейского царя. Я попросил объяснить, и тогда кто-то подкинул: «наверное он себя царем считает». А Снегирев спокойно ответил, что никаким царем он себя не считает, просто в последнее время чувствует себя как Давид, которому приходится бороться с Голиафом. От дальнейших объяснений уклонился.

– А это нормально по-вашему?

Валерию вопрос показался смешным.

– Что значит «нормально»? Люди самые разные сравнения используют, ничего странного тут нет. Только вот посмотрите, что получается. Ему надо решить какую-то задачу, видимо, важную, а с другой стороны, он чувствует, что борется с Голиафом, то есть с тем, кто намного сильнее него.

– Да, интересно, – Карасев задумался. – А враги у него были, вы не знаете?

– Понятия не имею. Вам лучше с его коллегами поговорить.

Карасев кивнул и, пробурчав, что они еще увидятся, удалился.

* * *

В тот же день из полиции пришли и к Краснову. Культурный дядька лет сорока пяти, который представился Владимиром Ивановичем Куликовым. Первый заданный им вопрос несколько удивил.

– Скажите, во время вашего семинара как они питались? Все вместе, организованно, или каждый сам по себе?

– Организованно, – удивленно ответил Краснов. – А при чем тут еда? Ее отравили?

Проигнорировав вопрос, Владимир Иванович продолжил:

– А когда они последний раз ели? Или был какой-то чай, кофе?

– Был да, кофе-брейк был утром, в одиннадцать тридцать. И после обеда, около пяти.

А в чем дело?

– У нее в крови было обнаружено большое содержание снотворного. Причем очень специфический и редкий препарат с отложенным действием, который проявляет себя примерно через два часа после приема.

– Хотите сказать, что кто-то его подсыпал?

– Вполне возможно. Кто готовил кофе-брейк?

– Как обычно, сотрудники отеля.

Настырный Владимир Иванович не унимался:

– Где находились порции кофе и прочее? Когда их принесли?

– На двух столах, в фойе перед залом, где проходил семинар. Принесли во время семинара. Когда мы вышли, все было готово. Было четыре, по-моему, чайника. Два с кофе.

«Глупость какая-то, что я несу, – подумал в этот момент Краснов. – Чайник с кофе!

Наверное, надо было сказать „кофейник“».

– И два с чаем, – продолжил он. – Ну, и всякие там печенюшки.

– То есть сотрудники, выйдя из зала, сами себе наливали кто что пожелает?

– Конечно, на кофе-брейках всегда так делается.

– Скажите, а мог кто-то подсыпать Калининой снотворное так, чтобы она не увидела?

– Наверное. Впрочем, не знаю... Может быть, если она поставила чашку на стол и с кем-то заговорила.

– А вы ничего подобного не заметили?

– Нет. Там же знаете, как бывает... Все толпятся вокруг столиков, каждый что-то себе наливает, печенье берет, таргалетки... Люди после лекций выходят усталые, перерыв небольшой, а хочется успеть и перекусить, и с коллегами пообщаться, поэтому все торопятся. В первые минуты обычно много народа у столиков собирается, и никто друг на друга внимания не обращает.

– Сделайте мне список всех сотрудников, которые были на семинаре.

Андрей обещал подготовить список как можно быстрее и переслать на адрес электронной почты, который оставил Владимир Иванович. Тот попрощался и ушел, а Андрей Краснов остался в полном недоумении.

Из всего сказанного следовало, что кто-то из своих подсыпал Ольге снотворное. Причем с таким расчетом, чтобы оно начало действовать, когда Ольга придет домой. До конца семинара оставалась еще одна презентация, а это минут сорок – сорок пять, плюс вопросы. Получается, час, ну, и до дома Ольге надо было ехать минут сорок. Значит, тот, кто это сделал, точно знал, что после семинара Ольга собирается домой. Хотя об этом нетрудно было догадаться, все же знали, что вечером идут в театр. Естественно, чтобы после целого дня лекций человек поехал домой переодеться и привести себя в порядок. А, собственно, почему это должен быть кто-то из наших? Она могла после семинара с кем-то встретиться, или дома подсыпали. Может, дома ее кто-то ждал. При чем тут мы? Хотя если ее ждали дома, то зачем было давать препарат с отложенным действием?

Калинину ему было искренне жаль. Андрей ей симпатизировал, несмотря на ее своеобразие и нежелание иногда вписываться в то, что называется корпоративной идентичностью. Но если это действительно кто-то из своих, то скандал будет страшный. А при сегодняшней, прямо скажем, не самой благоприятной ситуации, последствия скандала непредсказуемы. Он представил себе довольные лица конкурентов, обсуждающих, как в «Хэлфи Ливинг» сотрудники уже друг друга убивают. Конкуренты и так периодически распускали слухи о том, как их фирма травит людей непроверенными иностранными продуктами. Другое дело – наше, родное!

На самом деле продукты проходили самую тщательную проверку и имели все сертификаты, которые только можно было иметь, но на то они и конкуренты, чтобы найти повод позлословить. А тут убийство! Достаточно какой-то гадине пустить слух, и – Краснов уже представлял себе – начнут говорить: «Наверное, Ольга какую-то отраву нашла в их продуктах, вот они ее и замочили. Они же на все пойдут ради прибыли, капиталисты чертовы, сажать таких надо!»

Обвал будет полным! Краснов, по природе сангвиник и оптимист, почувствовал мурашки по коже. В этот момент он вспомнил звонок Антона, о котором абсолютно забыл во время визита сотрудника полиции. Может, надо было рассказать этому Владимиру Ивановичу о подозрениях Антона? Хотя нет, чем меньше копать у нас, тем лучше.

* * *

В «Компрестарте» был обычный рабочий день. Со дня смерти Снегирева прошла неделя, и почти никто уже не вспоминал о нем. Никто, кроме Даши. Со Снегиревым у Даши были особенные отношения, как говорила Илона, Дашина подруга, их связывал общий жизненный сценарий.

На работе оба считались хорошими специалистами, но ничем не выделялись. Начальство их не хвалило и не ругало. Выглядели они оба как-то серо, безлично, одним словом, незаметные люди. В последнее время они сравнительно много общались, часто разговаривали друг с другом, пили кофе, иногда выходили покурить на улицу. Даша вообще-то бросила курить еще лет пять назад, но со Снегиревым она иногда позволяла себе сигаретку. Почему-то общение с ним к этому располагало. Из продвинутых молодых людей в их офисе никто не курил. Эта привычка считалась вредным анахронизмом, и такой общий «грех» как-то сближал.

Даша не считала эти отношения дружбой, скорее, профессиональным знакомством, приятельством, но сейчас этого приятельства ей страшно не хватало.

Человек, который приходил из полиции, спрашивал, замечала ли она что-то странное в поведении Снегирева. Проблемы, жалобы, говорил ли, что хочет покончить с собой. Даша честно ответила, что она ничего не замечала. Снегирева трудно было назвать жизнерадостным, скорее, он был пессимистом, скептиком и с особым чувством черного юмора, но так было всегда, сколько она его знала. Никаких перемен в его настроении в последнее время не наблюдалось.

Когда Даша первый раз услышала от подруги, что у них со Снегиревым «общий жизненный сценарий», ей стало любопытно, и она решила почитать об этом. То что она прочитала, ей совсем не понравилось. Оказывается, мы все в детстве усваиваем определенные модели поведения и потом начинаем постоянно повторять их в различных ситуациях. Самое плохое, что эти модели не осознаются, и потом, когда мы начинаем наступать на одни и те же грабли, нам кажется, что это судьба, невезение или чьи-то козни, а на самом деле мы просто исполняем свой сценарий. Илона права, у них с Витей сценарии были похожи. Общим было то, что оба, двигаясь к какой-то цели, часто отказывались на полпути.

Несколько лет назад Даша собиралась поступать в аспирантуру, даже подала документы, но в последний момент отказалась. Потом «почти» вышла замуж, «почти» регулярно бегала по утрам. Витя Снегирев начал курс английского и бросил. Потом «почти» перешел на другую, лучше оплачиваемую работу. И таких «почти» у них было много. Там же она прочитала, что эти сценарии – обычно результат моделей, которые копируются от родителей или формируются в зависимости от поведения родителей с детьми. Это было про нее! В детстве ей очень хотелось серьезно заниматься спортом. Но родители считали, что это мешает учебе, а ведь учеба – это главное. Так Даша отказалась от фигурного катания, потом от спортивной гимнастики и легкой атлетики.

В восьмом классе она поступила в детский театр в Доме творчества. Дома реакция была привычная. Это мешает учебе. И сейчас, каждый раз, когда она начинала что-то делать: бегать, встречаться с парнем, готовиться в аспирантуру, – у нее в голове щелкало. Хватит, надо отказываться! Как с этим бороться, Даша не знала. Хорошо бы с психологом поговорить, только с настоящим, а не с теми, которые с умным видом говорят банальные вещи по телевизору. Тогда, на этом злополучном тренинге, психолог ей понравился. Но сейчас... Витя оставил записку, что решил уйти из жизни после тренинга. О записке сказал человек из полиции. Если это на него так повлияло, то, может быть, из-за психолога? Странно, во время тренинга она не заметила ничего, что могло бы подтолкнуть человека к самоубийству. Ей даже показалось, что у Снегирева тогда повысилось настроение. Все-таки надо встретиться с этим психологом. Может быть, он что-то заметил?

Даша не помнила его фамилии. Кажется, он представился только по имени. Валентин или Валерий, а может, Виталий. В Интернете она быстро нашла «Эмпатию». Тренер, кандидат психологических наук Валерий Валентинович Петров. Виталиев и Валентинов в центре не было. На сайте был указан мобильный телефон психолога Валерия Петрова, и Даша, собравшись с духом, ему позвонила.

– Валерий Валентинович, здравствуйте. Это Дарья Поленова из «Компрестарта». Я присутствовала на вашем на тренинге неделю назад.

– Да, да, помню, – голос прозвучал любезно, но не очень уверенно. Даша подумала про себя, что он, скорее всего, вообще ее не помнит.

– Мне бы хотелось с вами встретиться, поговорить о Викторе Снегиреве, – она приготовилась что-то объяснять, но Валерий просто сказал:

– Хорошо, я согласен.

Даша даже немного удивилась, что он согласился на встречу сразу же, ни о чем ее не расспрашивая. Договорились на завтра на полседьмого, у Елисеевского.

* * *

В десять минут седьмого Даша уже выходила из метро на станции Гостиный двор. До встречи оставалось двадцать минут. Можно было пробежаться по Гостиному, но времени было мало, да и просто «пробежаться» по Гостиному Даша не могла. К этому месту у нее было особое отношение. Гостиный – это же не просто торговый центр! Это бесконечные галереи, где можно увидеть все. Роскошные меха, черную икру, изящный фарфор, а также кастрюли и сковородки, плюшевых мишек и неваляшек, одежду и обувь самых разных марок и цен. Даже резиновые сапоги. Так что уделить Гостиному меньше двух часов было для нее просто нонсенс.

Немного поколебавшись, Даша пошла по переходу на другую сторону Невского, попутно рассматривая футболки, магнитики, чашки с эмблемами города и другие обязательные сувениры. Она старалась идти как можно медленнее, но, выйдя у Елисеевского и посмотрев на часы, увидела, что до полседьмого еще почти пятнадцать минут. Даша остановилась у витрины с движущимися гномиками и решила зайти внутрь.

Каждый петербуржец знает, что Елисеевский – это самый красивый магазин в мире! Когда под звуки механического пианино тебе открывается вся неприличная роскошь витражей и барельефов, богатство цвета и ароматов и какие-то невероятные деликатесы, похожие больше не на еду, а на произведения искусства, ты понимаешь, что имя всему этому – изобилие. Даше казалось, что сам воздух здесь пропитан этим изобилием, оно просто проникает внутрь тебя и наполняет энергией процветания. Удержаться от соблазна в этом гастрономическом раю было невозможно. За оставшееся до встречи время она успела купить чудные булочки со взбитыми сливками, кусочек пармезана и какой-то дивный чай с папайей и абрикосами.

Положив пакет с продуктами во вместительную сумку, с которой она ходила на работу, Даша вышла на улицу.

Валерий ожидал увидеть Дашу выходящей из подземного перехода, она ведь наверняка приехала на метро, поэтому когда она, выйдя из магазина, окликнула его сзади, он удивился. Он помнил ее с тренинга, но девушка, которая стояла сейчас перед ним, выглядела по-другому. Тогда, на тренинге, она казалась интеллигентной, скромной и довольно безличной. Сейчас перед ним была стройная молодая женщина выше среднего роста с открытым симпатичным лицом. Легкое серое пальто, небрежно и очень элегантно повязанный светло-голубой шарф, волосы до плеч естественного темно-русого цвета, мягкие серые глаза. Ее сложно было назвать красивой, особенно если под красотой понимать выпирающий бюст и накачанные губы, но в ней было что-то невероятно привлекательное и милое.

Поздоровавшись, они свернули на Малую Садовую, зашли в ближайшее кафе. Сели, заказали кофе. Даша взяла с молоком, а он – черный. Затем они молча уставились друг на друга. У обоих было чувство, что сейчас другой должен сказать что-то важное. Валерий взял на себя инициативу.

– Вы хотели поговорить?

– Да, дело в том, что мы с Витей дружили. Я хотела вас спросить. Вы как психолог не заметили что-либо странное на тренинге? Это ведь необычно, чтобы человек покончил с собой из-за тренинга?

– Нет, не заметил. Я не думаю, что он из-за тренинга покончил с собой. Хотя, знаете, когда человек в депрессии, иногда какой-то маленький толчок – слово, мысль – могут спровоцировать суицид.

– А почему вы думаете, что он был в депрессии?

– Предполагаю... А может быть, вы знаете? Были у него в последнее время какие-то проблемы, стресс?

– Нет. И полиция меня спрашивала. Ничего особенного у него не было. По крайней мере, мне он об этом не говорил. Сказал только, что халтура надоела. Знаете, он ведь квартиру купил в ипотеку, вот и подрабатывал. Знакомые ему подбрасывали.

– А что за халтура? Что именно он делал?

– Делал сайты нескольким знакомым, онлайн-магазины. По заказам клиентов искал информацию в Интернете про разные фирмы и товары.

– Хакерством занимался?

– Про хакерство я не знаю, но в Интернете ведь очень много информации, которую можно найти и без хакерства. Просто многие не знают, где искать, или терпения нет.

– А это как?

– Например, вам нужна информация про какую-то фирму. Вы пишете имя фирмы в поисковике и просматриваете то, что появляется на первых трех-четырех страницах. Дальше обычно терпения не хватает. А надо просмотреть все страницы, их может быть тридцать-сорок. Потом выяснить, что эта фирма производит или продает, найти информацию о самих товарах. С кем фирма работает, в каких реестрах числится, участвовала ли в судебных разбирательствах. Все эти данные в Интернете есть. Про учредителей фирмы обязательно выяснить. Есть ли у них участие в других фирмах, странички в социальных сетях, кто там у них в друзьях. Ну и так далее. Вы даже не представляете себе, сколько информации можно насобирать. Только это довольно кропотливая работа.

– А кто это обычно заказывает? Конкуренты?

– Чаще всего.

– А чем он занимался в последнее время? Знаете что-нибудь?

– Знаю только, что было какое-то большое задание, связанное с поиском информации. Больше ничего не говорил.

– А почему он жаловался? У него неприятности были с этими заказами?

– Не знаю, может быть, просто уставал. Он ведь вечером этим занимался, после работы. Вы говорили о каком-то толчке, который может привести к самоубийству. А что это может быть за толчок?

– Понимаете, депрессия – это состояние ума. Человек создает себе картину мира исключительно в черных красках и все, что с ним происходит, интерпретирует в рамках этой картины. Например, споткнулся и упал, идя на работу, сразу делается вывод: каждый день для меня начинается с несчастья. В этом смысле какое-то случайное слово может быть воспринято как подтверждение того, что все вокруг плохо. В какой-то момент этого «плохого» становится так много, что возникает вопрос: а стоит ли жить, если все равно ничего хорошего в жизни нет и не будет?

– Так что же делать, разве нельзя помочь?

– Можно. Надо изменить систему интерпретации. Часто одно и то же событие может восприниматься по-разному. Как плохое, хорошее или нейтральное. Конечно, есть объективно плохие события. Смерть близкого человека, тяжелое заболевание, стихийные бедствия, катастрофы. Но при депрессии ВСЕ события воспринимаются как плохие. Задача психолога в том, чтобы изменить систему интерпретации, сделать ее более дифференцированной. Чтобы объективно плохие события оставались плохими, но все остальные были или хорошими, или частично хорошими, или нейтральными. Нужно убрать этот общий черный фон. Жизнь не черная, цветная. Конечно, многие врачи вам скажут, что все дело в биохимии, недостатке серотонина и т. д. Вот вам лекарства, повысим этот самый серотонин, и все будет хорошо.

– А что, разве лекарства не помогают?

– Да помогают, конечно. Есть случаи, когда без лекарств вообще нельзя обойтись. Только помогают они временно. Перестаете их принимать, и часто опять начинается все сначала. Понимаете, депрессия – это порочный круг. Смотрите, когда у человека повышается серотонин? При умеренных физических нагрузках, встречах с друзьями, сексе... Некоторая еда его повышает, например, бананы, шоколад. А если человек воспринимает жизнь только в черном тоне, он часто всего этого избегает. И чем больше избегает, тем ниже уровень серотонина. Поэтому надо начинать с изменения сознания, а лекарства нужны, если положение очень тяжелое, но они не могут заменить психологическую работу. Хотя я сейчас как психолог рассуждаю, врач³ бы другое говорил...

---

³ В России психологи не считаются врачами и не могут выписывать лекарства.

Глава 2

Андрей Краснов уже второй день не мог отвязаться от мысли о звонке Антона. Антон прав, нельзя все так оставлять. Но говорить об этом с полицией?

Наконец, он решился. В такой ситуации помочь могла только Никольская, она-то наверняка сможет разобраться, действительно ли в занятиях Ольги было что-то опасное.

Никольская взяла трубку сразу, и Андрей начал по существу:

– Татьяна Гавриловна, мне тут звонил один наш представитель из Питера. Они с Ольгой не то чтобы были очень близки, но обменивались разными мыслями. Он сказал, что Ольга интересовалась какими-то пищевыми добавками и антиоксидантами. Как вы считаете, могла она так задеть чьи-то интересы, что ее решили убрать?

– Вы знаете, Андрей, я только вчера вернулась в Москву и позволила себе заглянуть в кабинет Ольги. Как раз вовремя. Потом пришла полиция, забрали компьютер и все ее бумаги. В компьютере Ольги и в папках было много статей на эти темы. Я не успела все просмотреть, но в том, что увидела, ничего сенсационного.

– А она одна работала в кабинете?

– Да. Другой сотрудник получил грант и уже второй год в Америке на стажировке. Должен вернуться через два месяца, если вернется, конечно.

– Антон, этот наш представитель из Питера, говорил, что она исследовала какой-то сильный антиоксидант, который способен блокировать воспалительные реакции. Вроде бы это опасно при инфекциях. Такое вообще возможно?

– Теоретически да, только я ничего на эту тему у нее не видела. Но я не все смогла прочитать.

– А вы сможете, Татьяна Гавриловна? Ведь никто, кроме вас, не разберется.

– Ладно, не подлизывайтесь. Прочитаю, когда компьютер вернут. Его же должны вернуть, правда? Это же собственность нашего Института!

В последней фразе чувствовался боевой дух профессора Никольской. Было ясно, что собственность Института она будет отстаивать до последнего.

После разговора с Никольской Краснову стало спокойнее. Она умела внушать окружающим чувство стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Настоящая старая гвардия!

* * *

Поговорив о депрессии, Валерий и Даша на какое-то время замолчали. Бывают такие моменты, когда собеседники просто не знают, что сказать дальше.

Молчание снова прервал Валерий:

– Скажите, Даша, а было у Виктора какое-то хобби? Чем он занимался в свободное время, кроме этой халтуры?

– Да, он увлекался теориями мировой конспирации.

– Борьба Ротшильдов с Рокфеллерами или мировой жидомасонский заговор?

Даша, не обратив внимания на его иронию, ответила серьезно:

– Нет, он интересовался мультинациональными компаниями в фармацевтике и проблемой ГМО. Он говорил, что их несколько человек, которые этими проблемами серьезно интересуются. У них даже группа была в Интернете.

– В Фейсбуке что ли?

– Фейсбук он не любил, твердил, что там за всеми следят. Группа была в «Одноклассниках». Он говорил, что это самая безопасная сеть. Считается, что там собирается сравнительно старший возраст, и на них меньше внимания обращают.

- А как называется группа?
- Не знаю, но могу посмотреть. Он у меня в друзьях, сейчас зайду на его страничку. Даша вынула телефон и через пару минут воскликнула:
- А его нет!
- Как нет?
- Кто-то удалил его страницу.
- А можете выяснить, кто и когда это сделал?
- Кто – вряд ли, а вот когда – сейчас попробую.

Валерий смотрел, как Даша ловко играет с телефоном и позавидовал. Сам он особой тяги к технике не имел и относился к ней как к досадной необходимости. Минут через пять Даша сказала:

- Профиль был удален два дня назад.
- А разве можно вот так взять и удалить чужой профиль?
- Все можно, – Даша усмехнулась. – Только нужно знать как. Для профессионала не так уж трудно.
- То есть надо быть профессионалом, чтобы это сделать?
- Конечно. А то так бы все друг другу страницы позакрывали. Вы думаете, ее удалили из-за этой группы, чтобы его с ней не связывали?
- Возможно. Похоже, что его хобби кому-то сильно мешало. А имена Виктор не называл? Даша задумалась.
- Знаете, один раз он говорил о какой-то Оле из Москвы. По его словам, она была их единомышленницей.
- А что за Оля? Фамилия, где работает?
- Не знаю, никаких подробностей он не упоминал.
- «Ничего себе информация, – подумал Валерий. – Оля из Москвы. Это почище, чем на деревню дедушке».

* * *

- Татьяна Гавриловна, не опасно вам будет этим заниматься?
- Андрюша, милый, ну что может быть опасно в моем возрасте? Кто заподозрит древнюю старуху? Они ведь все считают, что я из ума выжила.

Все это было произнесено с известным кокетством. Все, в том числе и сама Никольская, прекрасно знали, что уж чего-чего, а по части ума она даст фору десяти молодым.

Положив телефон, Краснов задумался. Никольская позвонила сама и безапелляционно заявила, что отныне она лично будет заниматься расследованием гибели Ольги. Кому как не ей виднее, наткнулась ли Ольга на что-то опасное. В начале несколько ошарашенный Краснов подумал, что бабка совсем зарвалась, воображает себя какой-нибудь мисс Марпл.

Но «бабка», кажется, была в трезвом уме и, несмотря на свой возраст, следила за всеми новинками в области науки о питании. Или, если выразаться научно, нутрициологии. Ему даже стало немного стыдно, что Никольская в свои без малого восемьдесят активно включилась в это дело, хотя Ольга была для нее просто сотрудником, а он, здоровый мужик, ничего не делает. Только вот что именно надо делать?

* * *

Придя домой после встречи с Валерием, Даша почувствовала себя спокойней. Так бывает, когда удается переложить часть своей ноши на другого. Снегирев определенно был

Дашиной «ношей». Думая о нем, она чувствовала себя виноватой. Может быть, надо было подробнее с ним поговорить, выяснить у него и про «конспирацию», и про Ольгу.

Валерию Даша очень понравилась. Имея профессиональный навык постоянно заниматься самоанализом, он сразу задал себе вопрос: что это? Сексуальный интерес или возможность поговорить с человеком, с которым находишься «на одной волне»? В последнее время Валерий увлекся НЛП – нейролингвистическим программированием. Хотя в академической среде его все еще продолжали считать лженаукой, Валерий находил в нем много полезного.

То, что произошло на встрече с Дашей, в НЛП называлось «раппорт». Это когда люди, настроившись друг на друга, как бы «плыли» вместе. Разговаривали на одном языке, употребляли понятные друг другу выражения, используя близкую невербалику, и вообще превращались в одну систему. Часто приходилось искусственно создавать такое состояние, подстраиваясь под собеседника, так как разговор в состоянии «раппорта» всегда был более эффективным. На эту тему даже проводили специальные тренинги. С Дашей Валерию подстраиваться не требовалось, все происходило естественно, они мыслили в одном русле.

Валерий подумал о Ленке и с досадой признался, что с ней никакого «раппорта» у него не получается и, пожалуй, никогда не получалось. Они друг друга определенно раздражали, и секс тут был ни при чем, как раз там все было в порядке. Но как только они начинали что-то обсуждать, появлялось раздражение, желание прервать друг друга, и это раздражение оставалось как осадок почти после каждого разговора. Наверное, поэтому в последнее время у них настоящих разговоров не было, кроме как на бытовые темы.

Размышляя об этом, Валерий вспомнил, что недели две назад, во время их очередной неудачной попытки поговорить, Лена упоминала о каком-то Арсении. Тот состоял в обществе, где постоянно что-то разоблачали. Заговоры фармацевтов, врачей, производителей продуктов питания и дальше в таком же духе. Валерий обычно не придавал этому значения, все Ленкины разговоры о «вредных» продуктах вызывали у него раздражение. Хотя теоретически он признавал, что в этом может быть доля правды, практически относился к этому как к виду модного помешательства. Однако, учитывая то, что рассказала Даша, этот Арсений мог оказаться человеком, который в состоянии пролить свет на некоторые вопросы.

На просьбу дать телефон Арсения Лена сделала удивленную физиономию и спросила:

– А зачем тебе? Ты же этим не интересуешься, для тебя это все ерунда!

Объяснять ей всю ситуацию не хотелось, поэтому Валерий просто сказал, что ему нужен эксперт по диетологии. Якобы у них в центре есть пациенты с непереносимостью некоторых пищевых продуктов, а это иногда связано с психическими проблемами. Такому ходу разговора Лена явно обрадовалась и не преминула язвительно вставить:

– Я уже давно тебе говорю, что безглютеновая диета намного полезней ваших разговоров. Извиняюсь, терапии. Пока человек будет себя травить, никакая терапия ему не поможет.

«Да при чем тут глютен и что ты вообще в этом понимаешь!» – хотел сказать Валерий, но промолчал. Про себя он подумал, что это может быть хорошим поводом встретиться с Арсением. Не рассказывать же незнакомому человеку всю историю!

* * *

Целый день Краснов занимался текучкой. Это только сотрудники думают, что генеральный директор сидит в кабинете и ничего не делает. На самом деле работы у Андрея было много, и работы «плохой».

Под «плохой» он подразумевал работу, которая была связана с вечным вопросом, где достать денег. Средств не то чтобы не было, но в текущей ситуации их требовалось много и, что было хуже всего, сейчас и срочно. На оплату поставщикам, на «растаможку», на зарплаты пред-

ставителям. Весь день приходилось кому-то звонить, напоминать клиентам об оплате, договариваться об отсрочках. И считать, считать...

Странно, но с момента основания фирмы больше десяти лет назад такие ситуации повторялись постоянно, независимо от того, что доходы выросли во много раз.

«Наверное, я что-то неправильно делаю, – думал Андрей. – С другой стороны, у большинства знакомых фирм были такие же проблемы. Может, у нас у всех неправильная организация? Какое-то общее российское разгильдяйство? Хотя нет, вот и у американских партнеров то же самое».

С текучкой удалось расправиться часам к шести, когда сотрудники стали расходиться по домам. Почему-то ни на кого из них не производило впечатления, что они идут домой, а шеф еще на работе. Краснов окинул взглядом свой кабинет, который выглядел как место локального военного конфликта. Он постарался кое-как навести порядок. Положил папки в шкаф, авторучки в специальную чашку, а бумаги сложил в аккуратную стопочку на бюро.

Утренний разговор с Антоном не давал покоя, и Краснов решил ему позвонить. С ним часто так бывало. Во время первого разговора он не реагировал, а потом начинал задумываться и только через несколько часов был готов действовать. Мобильный у Антона не отвечал, домашний тоже. В медцентр Андрей решил не звонить, после шести вечера там вряд ли кого-нибудь застанешь.

* * *

Придя на работу в понедельник, Даша решила поговорить с Сергеем Кирилловым. Хотя Кириллов занимал должность зама генерального, фактически именно он руководил фирмой. Самого генерального директора сотрудники видели редко и между собой часто судачили на тему, чем же он на самом деле занимается, если на работе почти не бывает.

Кириллов держался приятельски, без всякого начальственного важничанья. Он почти со всеми сотрудниками был на «ты», а Снегиреву иногда подбрасывал халтуру и, наверное, мог что-то знать про группу в Интернете и про загадочную Олю. Даша все утро его караулила. Разговор предстоял довольно деликатный, поэтому желательно, чтобы рядом никого не было. Но Кириллов занимался какими-то важными клиентами, потом он с ними же вышел примерно на час, наверное, пообедать. Шеф вернулся в свой кабинет только часам к пяти. Даша в это время в очередной раз прогуливалась по коридору в надежде его встретить. Увидев ее, Кириллов продемонстрировал широкую белозубую улыбку, которая должна была олицетворять крайнюю доброжелательность и безграничное внимание.

Даша вспомнила, как Снегирев говорил, что Кириллов работает под американского менеджера. Высокий, спортивного вида, всегда одет с иголочки... Он выглядел как образец идеального современного бизнесмена. О таких обычно пишут в журналах, а на тренингах и семинарах объясняют простым смертным, что именно это и есть идеал успешного человека.

– Чего-то ты тут прогуливаешься? – спросил он весело. – Не меня ли ждешь, случаем?

– Тебя. Хочу поговорить о Вите Снегиреве. Можно?

– Пожалуйста, – Кириллов широким жестом пригласил Дашу в кабинет. – Присаживайся, – он показал на кресло у журнального столика и сам сел в другое. То, что они расположились именно так, за маленьким столиком, как приятели, показалось Даше хорошим знаком.

– Рассказывай, что там у тебя. Хочешь что-нибудь? Чай, кофе, сок, может, минералки?

Даша попросила бутылочку минеральной воды и решила сразу же приступить к делу.

На ее первый вопрос, давал ли он Снегиреву халтуру, Кириллов, как показалось Даше, чуть смутился, но тут же взял себя в руки.

– Да, случалось иногда. Ты же знаешь, какие у него обстоятельства были. Родители пожилые и больные, ипотека... Еще и на содержание своей дочки он всегда много давал. Впрочем,

он этими подработками занимался во вне рабочее время. А почему тебя это интересует? Тоже хочешь что-то взять? Можно устроить. Меня часто ребята знакомые просят помочь с сайтами, с магазинами.

– Нет, я не поэтому, – Даша начала рассказывать все то, о чем уже рассказала раньше Валерию. О странном хобби Снегирева, о группе в «Одноклассниках», о страничке там же, которая почему-то исчезла, и о таинственной Оле из Москвы.

– Валерий, психолог, который проводил тот тренинг, сказал, что если у человека депрессия, то любой, самый незначительный повод может подтолкнуть его к самоубийству, стать последней каплей. Но вот была ли у него депрессия? Кстати, Валерий сказал, что если человек активно занимается своим хобби, то вряд ли у него депрессия. Одним из основных признаков депрессии является потеря интереса к жизни.

Сергей слушал внимательно. Когда Даша закончила, он, осторожно подбирая слова, сказал:

– Во-первых, тебе надо успокоиться. Я понимаю, вы со Снегиревым дружили, но его все равно не вернешь. Что случилось, то случилось. Мне самому его жаль, хороший был мужик. Во-вторых, про его хобби я ничего не знаю, он со мной об этом не говорил. Ни о каких группах и Ольге тоже не упоминал. Халтуру я ему иногда подкидывал, но совсем из другой оперы. Все банально – сайты, онлайн-магазины, какую-нибудь информацию поискать. В последнее время он в основном занимался оптимизацией сайтов, кстати, здорово научился это делать. Я даже начал подумывать, может, специальный отдел в фирме открыть и его поставить начальником. А то, что он всякими конспиративными теориями интересовался, так сейчас только ленивый этим не интересуется. Никого за это не убивают. По-моему, он просто был человеком лабильным и несчастным. Ты же сама знаешь. Личная жизнь у него не складывалась, финансовые проблемы были. А что касается вашего психолога, то он теперь все что угодно будет говорить, лишь бы только самоубийство не связывали с его тренингом.

После этого разговора с Сергеем Даша опять почувствовала себя в тупике. Теперь вся надежда была только на Валерию. Ей совсем не хотелось верить, что все, о чем говорил ей Валерий, было просто попыткой выгородить себя.

* * *

Через неделю после разговора с Дашей никаких новых идей о том, что могло случиться со Снегиревым, Валерию в голову не пришло. Он уже было решил вообще перестать об этом думать. В конце концов, бывают самоубийства по самым разным причинам, а тренинг тут уж точно ни при чем.

Первая консультация была назначена на одиннадцать, но он пришел на час раньше. Хотел использовать время, чтобы просмотреть материалы к завтрашнему тренингу.

В коридоре мимо него прошли озабоченная Рая, секретарь центра и еще более озабоченный Марк. Марк шел очень быстро, почти бежал рысцей и даже не поздоровался, что было на него не похоже. Валерий остановил Раю.

– Что-то случилось?

– А ты не знаешь?

– А что я должен знать?

– Пойдем!

Валерий послушно пошел с Раей до приемной директора.

– Вот, смотри!

Рая протянула ему «Взгляд с Невы». В последнее время эта газета на грани желтой прессы стала довольно популярной. Вся вторая страница была занята статьей с громким заго-

ловком «Зомбированный программист покончил с собой из-за психотренинга». Именно «из-за», а не «после».

Все было как в худшем кошмаре. В начале подробно о Снегиреве – какой он был хороший и уравновешенный человек, прекрасный работник. А потом какой-то центр «Эмпатия», где работали люди с «сомнительной» квалификацией, проводил тренинги, цель которых – зомбировать честных и порядочных людей. Хотя было непонятно, для чего кому-то нужно этих порядочных и честных людей зомбировать? Но такой вопрос большинство читателей задавать не будут. И так все ясно. Очередные мошенники, вредители и враги народа!

Валерий вошел в кабинет к Марку и спросил:

– Подавать опровержение будем?

Марк устало посмотрел на него.

«Видимо, совсем измотался в последнее время», – подумал Валерий.

Затем Марк тихо ответил:

– Ты ж понимаешь, что любое опровержение – это палка с двумя концами. Как будто еще раз повторяешь клевету.

– А мы не будем ничего повторять. Просто перечислим имена сотрудников и их квалификацию. У нас дипломов...

– Все так. Вот только статью прочтут все, а опровержение на предпоследней странице мелкими буквами внизу – единицы.

– Ну так черт с ним! Наши клиенты нас знают, не откажутся же они от сотрудничества из-за этого бреда.

– Может, и не откажутся.

Оба замолчали. Настроение было такое, как будто только что вылили на голову ведро с помоями, да еще посмеялись.

Приход Геры настроения никак не улучшил. Оказалось, что его вызывали к следователю, причем с тренингом это ничего общего не имело. В полицию передали сигнал, полученный прокуратурой от «честного гражданина», который утверждал, что именно его «Эмпатия» пыталась зомбировать. Имя этого «честного гражданина» Гере ничего не говорило, может, действительно и был такой клиент. Центр работал уже больше десяти лет, и за это время прошло много людей, особенно на тренингах. Следователь попросил принести список сотрудников и клиентов за последние два года.

Марк задался вопросом:

– А кому это выгодно? Донос, газета? Они ведь не случайно вместе появились, явно кто-то решил организовать против нас травлю.

Гера тут же взорвался:

– Что выгодно? Нас закопать? Да кому угодно! Конкурентам, у нас же клиентов много, вот они и трясутся от злости. Журналистам выгодно: им сенсации нужны, народ разоблачения любит. Я не исключаю, что, может, и правда, какой-то обидевшийся клиент все это затеял... Хотя нет, на клиента не похоже. Откуда он мог узнать о Снегиреве? До сих пор ведь никакой публичной информации об этом не было.

– А конкуренты, журналисты как могли узнать? – спросил Марк.

– Свой человек в полиции, наверное. Из «Гармонии духа» за нами давно следят. Только и ждут повода, в налоговую уже два раза писали.

Марк отрицательно покачал головой:

– Получается, они специально человека из полиции наняли, чтобы за нами следить и им сообщать. Но они ж не мафиози какие-нибудь крутые. Больше похоже на журналистов. Они часто в контакте с полицией работают, вот и договорились с кем-нибудь, чтобы им сообщали о случаях, которые потенциально могут вызвать скандал.

Валерий молча слушал весь этот диалог. Ему казалось, что здесь все не так просто. Если Снегиреву и вправду помогли умереть, то все эти скандалы вокруг «Эмпатии» раздуваются целенаправленно.

– Слушайте, а может быть, нас просто хотят дискредитировать, чтобы не совались не в свое дело? – он задал этот вопрос и сразу же подумал:

«А ведь Марк и Гера еще ничего не знают!»

Они действительно удивились:

– Что ты имеешь в виду? – спросил Гера.

Валерий вкратце пересказал им свой разговор с Дашей и их подозрения.

– Это все серьезно? – засомневался Гера. – Ты же понимаешь, сколько сейчас таких «конспираторов». С вакцинациями борются, с ГМО, с какими-то паразитами...

Марк глубокомысленно промолчал.

– Я не верю, что Снегирев сам из окна выбросился, – сказал Валерий. – Не похож он был на человека, который хочет уйти из жизни. Скорее, в нем чувствовался гнев, желание бороться, кому-то что-то доказать. Такие не уходят, хотя бы из упрямства. И Даша, девушка которая с ним работала, говорит, что в последние дни ничего страшного с ним не происходило. В смысле никаких событий, которые бы могли к этому привести.

Не похож был Снегирев на самоубийцу, вообще не было у него депрессии. Опыт с депрессией у Валерия имелся, примерно одна треть его клиентов жаловалась на ее симптомы. Хотя проявлялись они по-разному, Валерий считал, что у всех есть общая черта – потеря интереса к жизни. Многие ошибочно считают, что депрессия – это просто постоянно плохое настроение. Это не совсем так. Можно находиться в печали, переживать за кого-то, но при этом хотеть жить и, главное, интересоваться этой самой жизнью. А можно быть внешне спокойным, но считать, что в жизни нет ничего стоящего. И это страшно, потому что таким людям не за что держаться. Снегирев определенно таким не был.

Марк и Гера доверяли Валерию. Они не только давно работали вместе, но и знали, что Валерий обладал одним очень ценным качеством. Он «чувствовал» людей. Можно получить прекрасное образование, закончить курсы квалификации и переквалификации, иметь дипломы известных семинаров, но если у тебя нет «чутья», которое позволяет почувствовать человека перед тобой, то психолога-консультанта из тебя не выйдет. Психологи без «чутья» обычно стараются следовать теориям и готовым методикам, а когда ничего не получается, обвиняют «отсталых» клиентов, которые вместо того чтобы следовать мудрым советам специалиста, бегают к гадалкам и экстрасенсам. А ведь у гадалок и экстрасенсов такое «чутье» иногда сильно развито. Хотя остается вопрос, как они его используют.

Понимая все это, Марк и Гера отнеслись к словам Валерия серьезно. Марк сказал:

– Ты считаешь, что этого Снегирева убили? Но ведь полиция не нашла следов насилия.

– Не знаю. Может быть, и не нашла, потому что те, кто его убил, действовали профессионально. Но даже если полиция что-то нашла, то нам об этом вряд ли скажут. Возможно, здесь что-то другое. Представьте себе, что в день смерти на него чем-то воздействовали.

– Наркотики?

– Не исключено.

Марк продолжил:

– Если ты прав, значит, дискредитировать хотят прежде всего тебя, чтобы ты не вмешивался в чужие дела. То есть кто-то знает про твой разговор с Дашей. А может, весь этот разговор – просто провокация?

– Зачем?

– Например, проверить, что ты знаешь.

– Нет. Даша не такой человек.

– Понятно, значит, она тебе понравилась.

– Да, понравилась. Я этого не скрываю. Но это же не какая-то страстная любовь с первого взгляда, чтобы ничего не замечать. Она действительно переживала за Снегирева и, по-моему, была вполне искренней. Конечно, если только она не гениальная актриса.

Марку пришлось согласиться:

– Наверное, ты прав, гениальная актриса не сидела бы в «Компе».

* * *

Антон уже второй день не выходил из дома. Он простудился и использовал время для подготовки презентаций. С «Хэлфи Ливинг» он сотрудничал около двух лет. В свое время его туда привел все тот же Валерий, который считал своим долгом заботиться о благосостоянии Антона. Антон согласился, надо было как-то улучшать материальное положение, и постепенно втянулся.

Продукты он рекомендовал редко, сам не продавал. Ему все время казалось, что его пациенты, люди небогатые, не смогут купить, а если и купят, то потратятся из последних сил. Ему было неудобно. Антон знал, что это неправильно. На семинарах учили, что вообще думать о цене – неправильно. Его задача – дать человеку информацию, а тот уже сам должен решить, покупать ему или не покупать. Знал, но ничего не мог с собой поделать.

«Наверное, воспитание виновато!» – думал он иногда.

Антон вырос в типичной советской семье, где разговоры о деньгах считались неприличными, а на тех, кто что-то кому-то продавал, всегда смотрели свысока. Сначала Антон еще пытался себя перебороть, но потом решил не мучиться и заниматься презентациями.

Презентатором он был отличным, очень дотошный, всегда умел находить интересные факты, объяснял доходчиво. Дистрибьюторы его любили. Вот и сейчас лидер структуры (так в сетевом маркетинге называют дистрибьюторов высокого ранга) из Зеленогорска попросил Антона выступить перед его группой. За презентации фирма хорошо платила, сама работа была Антону интересна, так что он с удовольствием сидел за компьютером. Валерка, который, как и многие психологи, любил объяснять все болезни психосоматикой, наверняка бы сказал, что Антон нарочно заболел, чтобы заниматься любимым делом. Не в смысле симуляции, а просто его подсознание дало команду организму.

Тема презентации ему была знакома – антиоксиданты. Антон уже многократно делал презентации на эту тему, но каждый раз старался добавлять что-нибудь новое. Сейчас ему не давали покоя разговоры с Ольгой о том, что антиоксиданты могут и вредить. С одной стороны, ему хотелось рассказать об этом в презентации, так было и этичней, и интереснее. С другой стороны, характер бизнеса строго запрещал сеять какие-либо сомнения. Тем более, что дистрибьюторы в большинстве своем медицинским образованием обременены не были и принимали все буквально. Сказали «полезно» – значит, полезно, сказали «вредно» – значит, нельзя.

Поразмыслив над дилеммой, Антон решил на компромисс. Он еще порыется в Интернете и, если найдет какие-то реальные факты про вред антиоксидантов, включит их в презентацию, в смягченной форме, разумеется. Ему удалось найти пару интересных статей. Одна о том, что антиоксиданты нельзя применять во время химиотерапии и лучевой терапии, потому что само лечение создает очаги свободных радикалов в зоне опухоли, которые ее и разрушают. Вторая – какое-то шведское исследование, в котором «доказывалось», что пожилые люди, принимавшие биологически активные добавки⁴ с антиоксидантами, умирали раньше своих сверстников.

---

⁴ БАДы – это продукты, которые содержат витамины, минералы, экстракты лечебных трав и т. п. Их рекомендуют принимать для укрепления здоровья и профилактики различных заболеваний. БАДы не являются лекарствами. Их не следует

Последнее показалось Антону полным бредом. Типа того, что все, кто ел огурцы, когда-нибудь умрут. В статье ничего не говорилось о том, что это были за люди, чем они болели. Логично, что люди с ослабленным здоровьем принимают больше лекарств и БАДов. В конце концов, Антон решил включить в презентацию только первое предупреждение. Осторожность при химио- и лучевой терапии. Никаких упоминаний о чрезвычайно сильном антиоксиданте, блокирующем воспалительные процессы, о чем рассказывала Ольга, ему не встретилось.

* * *

После разговора с Марком и Герой Валерий решил, наконец, позвонить «борцу за правду», Арсению, телефон которого дала ему Ленка. Тот совсем не удивился звонку и пригласил зайти в их центр на Фурштатской улице.

Встреча прошла не совсем так, как ее представлял себе Валерий. Он почему-то ожидал увидеть молодого человека из «продвинутых». Может быть, потому что сама тема была модной, и это как-то ассоциировалось именно с таким имиджем. Но Арсений оказался маленьким, невзрачным, довольно старомодно одетым дядечкой лет пятидесяти. Держался он насто-роженно, но на все вопросы о связи пищевой непереносимости и проблем психики ответил. Сам он представился как врач-диетолог. Пока они разговаривали, Валерий размышлял, как бы похитрее вставить вопрос о Снегиреве и, ничего не придумав, решил говорить как есть.

– Вы ведь знали Виктора Снегирева?

– Да, я слышал о нем. А вы, простите, какое к нему отношение имеете? Арсений смотрел на него уже с явным подозрением.

Валерий начал объяснять, что он как психолог, который накануне самоубийства проводил тренинг, хочет защитить свою репутацию. Кроме того, ему хочется понять, что же произошло с человеком на самом деле. Естественно, о своих подозрениях, что это убийство, ничего сказано не было.

По ходу его рассказа Арсений постепенно успокоился.

Он внимательно выслушал, понимающе покивал, но сказал, что со Снегиревым он лично знаком не был. И вообще, кроме имени, он почти ничего о нем не знает. Увидев недоверие в глазах Валерия, Арсений поспешил добавить:

– Понимаете, мы ведь не единственная такая группа. Люди начинают прозревать и объединяются. Наверное, ваш Снегирев участвовал в какой-то другой организации. Мне о нем говорили, но я не помню точно, в какой связи. Могу поспрашивать.

– А связь с московскими группами у вас есть? Вы не знаете там такую активистку, Ольгу? – не унимался Валерий.

– А это вам зачем?

– Она была близка со Снегиревым. Может быть, сможет что-то рассказать.

Валерию показалось, что Арсений заколебался. По его лицу пробежала тень неприязни.

– Могу дать вам телефон одной нашей московской организации, но я там знаю только руководителя. А он определенно не Ольга.

Распрощавшись с Арсением, Валерий вышел на Литейный и зашел в маленькое кафе. Ему хотелось где-нибудь сесть и спокойно позвонить в Москву. В этом кафе подавали кофе примерно двадцати видов, причем отлично приготовленный. Взяв двойной эспрессо, Валерий уселся в углу внутреннего зала и набрал какого-то Илью Андреевича из Москвы. Передав, как водится, привет от Арсения, Валерий начал свои вопросы. Есть ли в их организации Ольга, если да, может ли Илья Андреевич дать ее координаты. Ответ был более чем сдержанный.

путать с пищевыми добавками (консерванты, загустители, усилители вкуса и т. п.). Пищевые добавки – это вещества, добавляемые в технологических целях в продукты питания в процессе их производства, упаковки, транспортировки или хранения для придания им желаемых свойств.

Ольги в их организации есть, даже две, но никаких координат Илья Андреевич давать не уполномочен. Договорились, что Валерий оставит свой телефон, и Илья Андреевич попросит их перезвонить. Или сам позвонит, если они разрешат.

То, что никто не позвонит и никаких телефонов Илья Андреевич передавать никому не собирался, было очевидно. Опять тупик! С самого начала этой истории тупики следовали один за другим. Как в лабиринте, из которого не было выхода. Сама эта история становилась исключительно неприятной, причем не только для «Эмпатии», но и для Валерия лично. В последнее время он начал создавать себе имя. Если люди раньше шли в центр и просто попадали к нему, то сейчас многие уже шли специально «на него».

Само его имя в буквальном смысле было не очень. Для психолога лучше что-нибудь редкое, экзотическое, можно даже иностранное. А тут Валерий, да еще Петров! Куда уж банальнее! Но в начале карьеры Валерий этого не понимал, вопросы личного маркетинга ему казались незначительными, а сейчас менять имя было уже поздно. Странно, он уже довольно давно занимался коучингом, были хорошие результаты, а вот о том, чтобы приложить это к себе, задумался только в последнее время.

Впрочем, в настоящий момент было не до имени, так как вся ситуация выглядела гнуснейшим образом. Психологи были похожи на пластических хирургов или врачей-косметологов. Войдешь в моду – от клиентов отбоя нет, но достаточно кому-то пустить слух, что ты шарлатан, и все бегут, как от чумы. А слух уже, похоже, пошел. Питер – город «маленький», не Москва, все друг друга знают.

Выпив кофе, который оказался превосходным, Валерий решил не предаваться жалости к себе, а вернуться домой и заняться подготовкой семинара в Зеленогорске⁵. Большинство дистрибьюторов – люди работающие, сетевой маркетинг для них – дополнительный заработок, поэтому семинар был назначен на воскресенье. Он должен был начаться сразу после презентации Антона.

Тема семинара была комфортной для Валерия и одной из его самых любимых – модальности. Речь шла о восприятии действительности. В нейролингвистическом программировании считается, что люди воспринимают мир через свою ведущую модальность. Есть «визуалы», которые в основном предпочитают зрение, «аудиалы» – слух и «кинестетики», которые воспринимают мир через тактильные ощущения. Хотя относительное большинство людей, примерно сорок – сорок пять процентов, являются визуалами, но и другие типы встречаются часто. Для конструктивного диалога желательно, чтобы он велся на языке одной модальности. В этом и состояла задача Валерия – научить дистрибьюторов распознавать язык модальностей и общаться на всех трех языках.

* * *

Презентация Антона прошла вполне успешно. Но в конце, как это часто бывает, нашелся какой-то дотошный мужик, который задал каверзный вопрос:

– Вы сказали, что во время химиотерапии нельзя принимать антиоксиданты, а когда человек антибиотиками лечится, то можно? Разве принцип не тот же?

Антон был не вполне уверен, он вообще в биохимии разбирался слабо, но ответил как положено. Никаких данных о вреде антиоксидантов во время антибиотикотерапии нет. Даже наоборот, известно, что некоторые из них, например, витамин С, помогают выздоровлению. Мужик что-то хмыкнул, но было видно, что такой ответ его не удовлетворил.

После презентации Антон решил с разрешения Валерия остаться на его семинаре. Тема модальностей с некоторых пор была ему интересна. Сам, он по определению Валерия, был

---

⁵ Пригород Петербурга, курортное место на берегу Финского залива. В прошлом – финский город Терийоки.

типичным кинестетиком. Когда к нему приходили пациенты, особенно дамы, и «обрисовывали картину своего состояния», просили «тщательно рассмотреть их случай», он ничего не понимал и терялся. Его спрашивали: «Ну вы же видите?» А он ничего не видел. Ему нужно было говорить об ощущениях, давлении, тупой или острой боли, важно было пощупать и потрогать. В «картинах» он не разбирался.

После семинара было много вопросов, и Валерий закончил только в шестом часу. Оба не ели с утра, поэтому, выйдя из зала в центре Зеленогорска, Антон и Валерий пошли искать кафе. На главной улице, за которой еще с советских времен сохранилось имя Ленина, ничего подходящего не нашли и решили пойти к пляжу через парк. Там наверняка должны были быть всякие кафешки.

В детстве Антон летом жил на даче в Зеленогорске и, хотя он не был тут уже лет двадцать, заметил, что многое осталось без изменений. Памятник вождю продолжал стоять в сквере перед школой напротив входа в парк. Видно было, что о нем заботятся. Ленин, протестантская кирха (раньше там был какой-то склад, а сейчас снова церковь), магазины на главной улице, аптека, трехэтажные дома, покрашенные желтой краской. Все осталось как раньше. И самое главное, был парк, каким Антон его помнил с детства. С ухоженными клумбами, аттракционами для детей и старыми деревянными финскими дачами с обязательными верандами.

Приличное кафе нашлось в парке возле самого пляжа. Несмотря на выходной день, народу было немного. Да и что делать на пляже в середине апреля при плюс десяти! Кафе было двухэтажное, и они решили расположиться на втором этаже, откуда можно было обозревать пляж, залив и какой-то едва видимый остров вдалеке. Антон не помнил, был это Кронштадт или один из фортов.

Пока они разглядывали меню, глубокомысленно рассуждая, заказывать ли шашлык или ограничиться пельменями, у Валерия зазвонил телефон.

– Здравствуйте, Валерий Валентинович. Это Илья Андреевич из Москвы вас беспокоит. Помните, вы позавчера мне звонили.

Валерий искренне удивился. После позавчерашнего разговора он был уверен, что никакого сотрудничества со стороны Ильи Андреевича ему не дожидаться. Но он ошибся, Илья Андреевич отнесся к его просьбе весьма ответственно.

– Вы спрашивали про Ольгу из Москвы. Я разговаривал с нашими обеими Ольгами, никто из них со Снегиревым знаком не был. Но одна из них мне сказала, что у нее была знакомая, тоже Ольга, которая работала в Институте здорового питания. Эта Ольга занималась исследованиями всяких вредных добавок в пище. Так вот... Она недавно погибла. В конце марта у нее в квартире случился пожар, и она отравилась угарным газом. Самое интересное, что ее коллеги из Института питания по большому секрету сказали, что полиция, похоже, подозревает умышленный поджог. Понимаете? Возможно, ее убили.

Валерий поблагодарил, немного смутившись. Он плохо подумал о человеке, а тот, оказывается, всех обзвонил, да еще быстро. Очередное доказательство, что ни диплом, ни практика психолога не дают никакой гарантии, что ты разбираешься в людях. Увидев вопросительный взгляд Антона, Валерий вкратце рассказал ему историю.

– Ничего себе, прямо целый детектив! А это ведь наша Ольга! Вспомни, ты же с ней знаком. В прошлом году она приезжала на презентацию в Питер. Высокая такая, крупная. Ты еще сказал, что она напоминает тебе директрису твоей школы.

Валерий вспомнил. Ольга говорила, что работает в Институте здорового питания. Как ему в голову не пришло, что это может быть та самая Ольга. Но он же не знал, что она погибла!

– А ты знаешь, чем конкретно она занималась? Из-за чего ее могли убить?

Антон задумался и сказал:

– Она много чем интересовалась. И усилителями вкуса, и ксеноэстрогенами, и антиоксидантами. Говорила, что нашла какие-то материалы интересные, даже сенсационные. В смысле,

что есть данные об огромном вреде, которые некоторые из них причиняют. Все это скрывается... Только я ничего не видел! Просил показать, но она сказала, что хочет все проверить, а потом уже она напишет и выступит с докладом. Ольга очень ревниво относилась к своим научным исследованиям.

– Боялась, что украсть могут?

– И это тоже. Плагиат в науке повсеместно. Сам знаешь. Кроме того, она была очень дотошной, настоящая перфекционистка. Не хотела представлять непроверенную информацию.

– Получается, что Снегирев вместе с ней работал?

– Получается, что да.

– Тогда все это очень серьезно. Неужели могут убить из-за такого? Правда, что все так вредно? Вот шашлыки нам принесли, там тоже, наверное, усилители вкуса.

– Наверное, – подтвердил Антон. – Хотя их чаще в говядину добавляют, а это свинина. Я много про это читал, меня ведь часто спрашивают на презентациях, но ничего такого страшного не нашел. Есть статьи, где пишут, что глутамат натрия повышает вероятность депрессии, но каких-то убедительных доказательств нет. В Китае его ставят на стол, как у нас соль и перец, каждый кладет себе, сколько хочет. Но вообще лучше его не есть. Депрессии он, может, и не вызывает, а вот аппетит повышает точно. При нашей талии это совсем не нужно.

Валерий не был настроен переходить на шутивную волну и продолжил серьезным тоном:

– Остается вопрос, кто еще мог знать об этих исследованиях Ольги, кроме Снегирева? Кто и как узнал, что я этим интересуюсь? Не думаю, что вся эта компания, начиная со статьи в газете, – просто случайность.

– Ты же сам говорил, что это могут быть конкуренты.

– Теоретически могут. Только как они узнали, что Снегирев умер после тренинга? И что вообще был этот тренинг? Почему и статья, и донос появляются именно сейчас и одновременно? Совпадение? Не верится что-то в такие совпадения.

– Узнать не так трудно. Любой человек из вашей конторы или из компьютерщиков мог об этом сказать. Если конкуренты серьезные, наверняка, они и их обхаживают, и из ваших стараются кого-нибудь прикупить. Скорее, надо подумать о том, кто за всем этим стоит. А для этого важно понять, что она все-таки нашла, что все так переполошились. Надо поговорить с ее коллегами в Институте питания, может, они что-то знают.

– А почему ты думаешь, что они будут с нами разговаривать?

– Можно попробовать. У меня была где-то визитка начальницы Ольги – профессора Никольской. Она, конечно, дама с характером, но попытаться можно.

* * *

Прошло уже больше недели после встречи с Валерием. Даша часто ловила себя на мысли, что ей хочется ему позвонить, но повода не было. Ничего нового она не узнала, а звонить просто так было неудобно. Он решит, что она ему навязывается.

На работе в этот день было затишье. Когда оказалось, что надо отвезти договор клиенту на подпись, Даша обрадовалась. Обычно это делала секретарша, но сейчас она была на больничном, а Даше хотелось вырваться из привычной обстановки. Офис клиента находился в самом центре города, в роскошном особняке на Миллионной. Закончив дела с договором, она решила не возвращаться сразу, а немного пройтись. К счастью, начальство понимало, что нормированный восьмичасовой рабочий день для компьютерщиков – это нонсенс. Фирма требовала результатов, а не просиживания штанов на рабочем месте.

Даша вышла на набережную и медленно направилась в сторону Эрмитажа. Пронзительный питерский ветер дул в лицо, но это не мешало думать. Она пыталась восстановить картину

того дня, когда случился этот злополучный тренинг. На самом тренинге ничего особенного не происходило. Когда занятия закончились, где-то около шести, Валерий распрощался и ушел. Остальным расхотелось не хотелось. Почти все пошли в ближайшую кафешку выпить и пообщаться. Эта точка исполняла у них роль клуба, туда часто ходили пообедать и собирались вечером, после работы. Пришло человек десять с тренинга, потом добавились Сергей Кириллов и Карина из бухгалтерии. Был обычный светский разговор. Кто-то похвастался поездкой на Кубу, потом подключились остальные и начали рассказывать, кто куда ездил или поедет в отпуск. Обычный разговор представителей российского среднего класса, где престиж часто определяется количеством стран, которые вы успели посетить.

Снегирев тогда почти все время молчал. Даша знала, что хвастаться ему нечем. Кроме Турции, куда он ездил года четыре назад, и Эстонии, он нигде не был. То ли не мог себе позволить, то ли интереса особого не было. Сама она тогда исправно отчиталась о поездках в Чехию, Германию и Тунис, но больше всех говорил Кириллов. Он действительно много ездил. И на отдых, и в командировки, но рассказывал так легко и забавно, что даже завидовать не хотелось. Просто было приятно послушать. Кириллов тогда сидел рядом со Снегиревым и несколько раз безуспешно пытался его разговорить.

«Стоп! А ведь в этом же кафе у них было еще несколько посиделок. И одна из них... В понедельник, в день смерти Снегирева!»

Тогда их было человек шесть, посидели недолго. Но вот о чем они разговаривали? Даша так и не могла толком вспомнить, наверное, опять о какой-то ерунде.

Даша дошла до Зимнего дворца и, повернув налево, пошла в обратную сторону уже по Невскому. Только почувствовав чудный запах свежее испеченных пирогов, она поняла, что ужасно хочет есть. Пирог, конечно, не лучший выбор. За последний год она и так пополнила на два килограмма! Но запах соблазнял. Пройти мимо просто не было сил, и Даша решила на компромисс. По маленькому кусочку кулебяки с мясом и пирога с брусникой. В конце концов, она с утра ничего не ела, а сейчас уже четыре. Да и утром у нее были всего лишь кофе с молоком и бутербродик с сыром.

Она взяла поднос с своим заказом и, оглядываясь в поиске места, заметила за уютным столиком в глубине зала Кириллова. Тот тоже ее заметил и махнул рукой, приглашая. Даша поставила свои пироги на столик, вернулась к стойке взять чайник с жасминовым чаем и села напротив Сергея. Встреча с Кирилловым вызвала у нее облегчение. Возможно, ей нужно было отвлечься от собственных мыслей, а Кириллов умел быть обаятельным собеседником. Он весело улыбнулся и спросил:

– Как продвигается детективное расследование?

Даша смутилась.

– Какое расследование?

– Ты же сама говорила, что со своим приятелем-психологом занимаешься выяснением причин несчастного случая со Снегиревым. Есть успехи?

Было непонятно, спрашивает ли он серьезно или иронизирует, но Даша ответила вполне серьезно:

– Нет, все то же. Я говорила тебе тогда, что его страницу в «Одноклассниках» кто-то удалил?

– Да, ты про это упомянула. Только что тут такого? Администратор сети и удалил. Если человек умер, то его страницу обычно удаляют.

– А как они узнали, что он умер?

– А вот этого не знаю, как-то никогда не задумывался. А зачем вам его страница?

– Хотела посмотреть контакты, может быть, там был кто-нибудь из знакомых. Кто знал про Снегирева, про его настроение в последние дни, – объяснить про Ольгу из Москвы Даша не стала.

Кириллов решил сменить тему:

– Даша, а может, по коньячку? Вот и Витю помянем.

Отказаться было неудобно, да и после прогулки с мокрым ветром в лицо рюмка коньяка никак бы не помешала.

Кириллов пошел заказывать, и Даша поймала себя на том, что им любит. Подтянутая фигура, дорогой костюм, модная стрижка... Сразу видно, что у человека есть деньги, и он знает как ими пользоваться. Многие Дашины знакомые этого не умели. Даже если они хорошо зарабатывали, то продолжали ходить в мешковатых джинсах и дешевой обуви. Ей самой потребовалось несколько лет, чтобы научиться покупать качественные вещи. Когда она только начала прилично зарабатывать, никак не могла заставить себя даже войти в хороший магазин. Сказывалась привычка на всем экономить.

Сергей подошел к столику с двумя широкими бокалами коньяка, и ей стало неудобно за свои мысли. Кириллов протянул Даше ее бокал и, сделав скорбную физиономию, произнес:

– Давай за Витьку! Хороший был парень. И чего ему только взбренило жизнь кончать. Ведь столько всего впереди было...

– Поверить не могу, что это самоубийство. Не мог он с собой покончить просто так. И психолог говорит, что ничего странного у Снегирева на тренинге он не заметил, – сказала Даша с заметным раздражением.

– Даш, ну какой психолог? Который тренинг проводил? Я уже тебе говорил, он никогда в жизни не признает, что человек после его тренинга мог покончить с собой.

– Да ничего такого не было на этом тренинге! Я тоже там присутствовала. Тренинг как тренинг. У нас и раньше такие были.

– А я и не говорю, что он покончил с собой из-за тренинга. Не знаю, какая была причина, но он покончил с собой после тренинга. Улавливаешь?

– Что именно?

– Когда второе событие происходит сразу после первого, люди склонны считать первое причиной второго. Кстати, твои любимые психологи называют это «каузальной атрибуцией», или приписыванием причины. У меня ведь, между прочим, тоже диплом психолога имеется.

– Правда? А зачем тебе? Ой, прости, глупо вырвалось.

– Почему глупо? Ты права, сейчас все кому не лень учатся на психолога. Вот и я тоже подумал, что если руковожу людьми, то неплохо бы и поучиться.

– Помогают полученные знания?

– Иногда да, хотя и не буквально. Не все так просто, как пишут в умных книжках. Те, кто их пишет, тоже делают бизнес. А их бизнес – это писать умные книжки и обучать дураков типа меня основам практической психологии.

– Получается, что теперь все будут связывать смерть Снегирева с тренингом?

– Вот именно! Чтобы эту связь разорвать, твоему психологу нужно представить какую-то очевидную причину смерти. Например, что у Снегирева была сильная депрессия или какое-то другое психическое заболевание. Еще лучше, если с ним что-то после тренинга случилось. Сильный стресс, например, или кто-то его запугивал, шантажировал. Главное, чтобы с тренингом это не имело ничего общего.

Даша почувствовала, что совсем запуталась.

– А ты как считаешь, отчего он покончил с собой? – спросила она и про себя подумала: «А ведь не факт, что это вообще самоубийство».

Кириллов ответил:

– Я тебе уже говорил. Снегирев был человек лабильный, в жизни разочарованный. Может, у него и раньше были мысли о самоубийстве. Просто перспективы в жизни он не видел.

– А тренинг?

– А что тренинг? Тренинг ему мог просто об этом напомнить. Вам же давали задания. Определить свои сильные качества, наметить цели и так далее. Вот Снегирев и задумался обо всем этом, а потом решил, что жить ему незачем.

– Получается, что он действительно из-за тренинга умер?

– Нет, конечно. Не виноват твой психолог, успокойся. Тренинг просто был поводом, пусковым механизмом. Если бы не тренинг, нашлось бы что-то другое.

Слова Кириллова были почти повторением того, что сказал Даше Валерий в начале их встречи. Только вот не мог Снегирев покончить с собой! Не мог и все! Это Даша знала точно.

* * *

На следующий день Валерия ждал приятный сюрприз. Он еще не успел войти в свой кабинет, как позвонил Марк и попросил зайти. Валерий уже было подумал, что его опять ждут какие-то гадкие новости, но неожиданно новости оказались хорошими. Марк вызвал его, чтобы спросить, не хочет ли он поехать с ним в Израиль и провести там несколько тренингов. Сам Марк часто ездил на тренинги в Израиль, но никогда и никому не предлагал поехать вместе.

Для Валерия, которому в последнее время стало казаться, что проблемы валяются одна за другой и засыпают его, как снежная лавина, это выглядело как спасение, а может быть, и как бегство. В какой-то момент даже промелькнуло подозрение. Возможно, Марк специально предлагает ему поехать именно сейчас, может, он почувствовал его выгорание и решил дать ему шанс прийти в себя. Но в следующий момент эта мысль была отброшена Валерием. Марик хотя и был почти другом, но в альтруистических поступках до сих пор замечен не был.

Лет пять назад Валерий ездил в Израиль со своей бывшей женой. Они купили тур на семь дней под названием «Путешествие на Святую землю». Все эти семь дней они куда-то ездили, осматривали монастыри и церкви, стояли три часа в очереди в Храм Гроба Господня. Еще покупали несметное количество сувениров, в основном разного вида крестиков, которые потом обязательно надо было освящать в строго определенных местах. Жена относилась к этому очень ответственно. Валерий тогда ужасно устал от всей жары и суеты, поэтому не помнил почти ничего. Ему было совершенно непонятно, как в Израиле живут нормальные люди. Поэтому сейчас он твердо решил, что в этот раз в никаких очередях стоять не будет, но попробует узнать больше о жизни в этой стране. Тем более, что по плану ему предстояло провести в Израиле три тренинга.

Глава 3

Аэропорт «Бен Гурион»⁶ казался еще более многолюдным, чем Пулково. По галерее, которая вела от входа до паспортного контроля, двигалась самая разношерстная публика. Было много бородатых ортодоксальных евреев в темных сюртуках, широкополых шляпах и с пейсами. Они шли небольшими группами. Почти все мужчины и мальчики подросткового возраста в сюртуках, длинных черных брюках и черных ботинках. Несколько человек выделялись на их фоне. Вместо сюртуков на них были подпоясанные кафтаны, похожие на халаты, брюки до колен и черные гольфы, заправленные в туфли. Увидев вопросительный взгляд Валерия, Марк пояснил:

– Это все хасиды. Они бывают нескольких видов, и у каждого своя манера одеваться. Я не очень разбираюсь, но те, кто знают, могут по одежде определить, кто есть кто и откуда. Вот эти в чулках, скорее всего, венгерские.

Молодой и очень серьезный парень на паспортном контроле взял паспорт Валерия и спросил по-русски, но с сильным акцентом, о цели приезда. Услышав, что Валерий психолог и приехал проводить тренинги, он почему-то заулыбался, быстро поставил печать и пожелал успехов.

Знакомые Марка уже ждали их с машиной. Всю дорогу до отеля Валерий смотрел в окно. Пальмы, цветущие олеандры... Машины в основном светлых цветов, японские и корейские. В сравнении с сумрачным Петербургом изобилие солнца и ярких красок казалось нереальным.

Еще перед отъездом Валерий дал себе слово, что постарается получить максимум удовольствия от этого путешествия. Удовольствий ему в последнее время явно не хватало. Не в смысле еды, питья и секса, хотя с последним тоже все было не идеально, но не было спокойствия, удовлетворения, радости.

«Я просто не разрешаю себе быть счастливым! Кажется, мне самому нужен психотерапевт!» – такие мысли одолевали Валерия все чаще.

Отель находился в Бат-Яме, пригороде Тель-Авива на побережье Средиземного моря. Комната Валерия оказалась совсем маленькой, но это компенсировалось роскошным видом на набережную и пляж. В конце апреля пляжный сезон здесь уже начался. После промозглого Питера ему не терпелось окунуться в теплое море. С Марком они договорились встретиться через час и пойти поужинать в кафе. На следующий день им предстояла поездка в Иерусалим.

Сидеть в комнате, когда пляж находился под боком, было глупо. Быстро собравшись, Валерий пошел к морю. В это время, полшестого вечера, людей на пляже было уже немного, а те, кто еще оставался, разговаривали в основном по-русски. Валерий оставил полотенце и одежду на пластмассовом стуле, который одиноко стоял у самой кромки моря и, кажется, никому не принадлежал. Потом он вошел в воду. Первый раз в жизни он купался в Средиземном море! В прошлую поездку в Израиль о пляже не могло быть и речи, все было расписано по минутам.

Хотя за границу Валерий ездил довольно часто, но почему-то не на море. Только один раз с бывшей женой они ездили в Болгарию, но там было Черное море, а Средиземное оказалось совсем другим. Во-первых, оно было настоящего синего цвета, во-вторых, очень соленое. Кроме того, около берега водились маленькие злые рыбки, которые слегка покусывали за ноги. Он вспомнил, что Ленка рассказывала ему об этих рыбках. Их использовали в спа-салонах, где за бешеные деньги можно было опустить ноги в аквариум, в котором плавали такие рыбки. Они больно щипали за ноги, отрывая кусочки старой кожи. Сама процедура называлась «фиш-пилинг» и считалась очень модной.

---

⁶ Главный международный аэропорт Израиля в Тель-Авиве.

Выйдя на берег, Валерий вытерся полотенцем и сел на свой «беспризорный» стул. Только сейчас он заметил рядом местного бомжа, который жил на пляже. У бомжа был собственный деревянный стул, надувной матрас и вещмешок. Похоже, что с ними он и перемещался по пляжу, а когда шел дождь, спал под навесом. Определить возраст бродяги было невозможно. Где-то в интервале от сорока пяти до семидесяти. Но, к удивлению Валерия, бомж не выглядел несчастным! Это был самый жизнерадостный бомж, которого Валерий когда-либо встречал в своей жизни. Он весело наблюдал за подростками, которые играли в какую-то популярную местную игру в мяч, похожую на пляжный волейбол, время от времени вскакивал и что-то кричал на иврите.

Еврейского языка Валерий не понимал, но было похоже, что бомж дает игрокам советы. Дальше все происходило уже на грани фантастики! Бомж решил поесть и вынул из вещмешка помидоры, хлеб и хумус⁷. Он разложил все на большой салфетке и жестом предложил Валерию присоединиться к его трапезе. Это было уже слишком! Что за сумасшедшая страна, где бомжи предлагают еду? Валерий хотел было принять предложение, общение с бомжом могло оказаться интересным, но, посмотрев на часы, понял, что пора идти на встречу с Марком. Еще в самолете он попросил Марка научить его нескольким выражениям на иврите. Одно из них пригодилось сейчас – «тода роба», «большое спасибо». Бомж улыбнулся и помахал рукой на прощанье.

* * *

В Иерусалим они поехали на автобусе. На центральном автовокзале их должны были встретить знакомые Марка и отвезти в свой центр. Там в первый день планировался трехчасовой семинар, а на следующий – восьмичасовой тренинг. После семинара они собирались поехать в старый город, Марк обещал показать еврейский квартал. В прошлый раз, когда Валерий был здесь на экскурсии, по еврейскому кварталу пробежали почти бегом, только немного задержавшись у Стены Плача. После огромной очереди в Храм Гроба Господня все были тогда настолько измотаны, что почти ничего не воспринимали.

Еще перед поездкой они решили, что семинар проведет Марк. Валерий будет только присутствовать, чтобы присмотреться к группе. А вот тренинг на следующий день он полностью возьмет на себя. Валерия это вполне устраивало. Темой семинара опять был Киосаки, а у Валерия в последнее время это вызывало раздражение. Киосаки – американский бизнесмен и «мотиватор», в последние лет десять в большой моде. Кому не хочется научиться, как быстро разбогатеть? Хотя Валерий считал, что Киосаки абсолютно прав, когда пишет о необходимости полностью изменить свое мышление, чтобы стать успешным предпринимателем, но ему казалось, что он слишком все упрощает. Очень просто было стать миллионером, но почему-то никто из знакомых Валерия, старательно штудировавших книги Киосаки, миллионером не стал. У самого Валерия это тоже никак не получалось. Свое место в «квадранте денежного потока» Киосаки он находил где-то посередине между «наемным работником» и «человеком свободной профессии». Стать «предпринимателем», а тем более «инвестором» ему явно не светило. Да хотел ли он этого?

Семинар проходил в небольшом зале семейного отеля, где их и разместили. Пришло шестнадцать человек. Четырнадцать дам «очень-очень среднего возраста», как выразился Марк, и всего двое мужчин. Одному было около семидесяти, а другой по виду находился где-то в середине пятого десятка.

---

⁷ Распространенная в странах Ближнего Востока закуска на основе нута, или т. н. «турецкого гороха».

Руководительница структуры – молодящаяся дама лет шестидесяти – с энтузиазмом представила «самых известных психологов из Санкт-Петербурга», и народ приготовился внимательно слушать.

Первая часть семинара была больше похожа на лекцию, вторая предполагала вопросы и дискуссию. У Марка была одна замечательная особенность: когда он читал лекцию (независимо от темы), слушатели внимали ему, открыв рот, и верили ему безусловно. Он словно входил в какое-то особое состояние и жил в теме. Валерий иногда думал, что в такие моменты Марк похож на какого-нибудь старозаветного пророка. А может, он и вправду унаследовал такие гены?

Обстановка действительно напоминала проповедь. Люди слушали внимательно. По их лицам было видно, что многие серьезно задумывались о своей жизни. Хотя Валерий слушал эту лекцию раньше и к теме относился скептически, но тоже поддавался общей атмосфере.

«Что же мне мешает? – думал Валерий. – Почему Марк смог создать свой центр еще в „голодные“ девяностые? Ведь никто ему тогда особенно не помогал».

Это сейчас все говорят про каких-то богатых родственников из Израиля. Родственники у Марка были, но только не богатые. В девяностые годы они репатриировались в Израиль и пытались обосноваться на новом месте. Просто Марк решил, что может, и он смог. Валерий, который тогда только что закончил университет, помнил, как Марик бегал по инстанциям, выпрашивал в университете тесты, писал письма коллегам в Америку и куда-то еще с просьбой о методической помощи. И ведь сделал!

Никто вокруг в это не верил. Народ тогда массово шел в мелкий бизнес, считалось, что нужно покупать и продавать всякое барахло. Еще всем тогда хотелось устроиться «на фирму», желательно иностранную, а тут какая-то психология!

Валерий так не мог, он не был организатором. Ничего тут не поделаешь. Ему было легче просто заниматься своей работой, чтобы кто-то другой думал о бюджете, об имидже и всяких других «мелочах», которые сопутствует любому деловому начинанию.

Марк закончил говорить и объявил, что начинается дискуссия. Женщины тут же стали задавать вопросы, смотря на Марка восторженными взглядами. Они ожидали услышать в ответ что-то гениальное. Пожилой мужчина, кажется, задремал еще в начале семинара и не собиравшись просыпаться. «Молодой» сидел сзади и молча писал что-то в тетрадке. Марк объявил конец семинара, но его не хотели отпускать. Несколько женщин обступили его со всех сторон и продолжали обсыпать вопросами. Он терпеливо отвечал.

На Валерия никто не обращал внимания. Ему ничего не оставалось, как сесть в сторонке и наблюдать. «Молодой» мужчина, тот, который что-то писал в тетрадке, подошел к Валерию и спросил:

– Вы позволите?

Затем он сел рядом с ним.

Они молча просидели еще минут пять, дожидаясь, пока Марк ответит на последние вопросы и подойдет к ним.

– Меня зовут Юра. Я бы хотел с вами поговорить. Вы не против пообедать вместе? Я угощаю, – решительно заявил мужчина, сидевший рядом с Валерием.

Предложение было несколько неожиданным, так как обычно обедом угощали руководители структуры. С руководительницей уже договорились на завтра, а сегодня по плану был старый город. Но мужчина отступить не собирався:

– Хотите посмотреть старый город? Давайте я вам покажу! Я же три года отработал экскурсоводом. У меня и машина здесь, а там сядем в каком-нибудь кафе. Вы ведь любите шаурму? У нас в старом городе самая лучшая шаурма!

Отказываться в такой ситуации казалось неудобным. Кроме того, наличие машины у нового знакомого было серьезным аргументом. Перспектива добираться до старого города на трамвае или ловить дорогое такси не особенно вдохновляла.

Выйдя из отеля, они подошли к довольно потрепанной «мазде». Юрий сел за руль и, пока они ехали, успел рассказать, что он в свое время окончил химико-фармацевтический институт в Ленинграде. В Израиле он уже почти двадцать лет, приехал вместе с женой, которая была историком по профессии. В начале Юрий работал экскурсоводом, работу по специальности он найти не мог.

– Тогда, в девяностые, много народу сюда приезжало. По специальности почти никто не мог устроиться. Мне жена помогла курсы экскурсоводов закончить.

На вопрос о том, чем он занимается сейчас, Юра ответил несколько туманно. Якобы он является свободным предпринимателем и сотрудничает с несколькими издательствами.

Узнав, что гости хотят осмотреть еврейскую часть старого города, Юра обрадовался.

– Машину есть где поставить, а потом поедим шаурму. В центре, у синагоги, много хороших кафе.

Сильное желание обязательно вместе пообедать да еще угостить немного удивляло. Но за годы своей работы Марк и Валерий привыкли общаться с самыми разными людьми. Кому-то просто хотелось пообщаться с «известными» психологами (это как бы добавляло статуса), а кто-то хотел поговорить о своих проблемах. В этом случае непринужденный разговор за обедом психологически был легче, чем обычная консультация.

Машину оставили на паркинге у Мусорных ворот. Юра предложил сначала посмотреть могилу царя Давида и зал, где когда-то состоялась знаменитая тайная вечеря.

– На Стену Плача потом вернемся. Сначала я вам покажу другое, пообедаем, а уже потом спокойно пойдем к Стене. Там нельзя торопиться.

Они согласились и послушно пошли за Юрием. К удивлению Валерия, могила царя Давида и зал тайной вечера оказались рядом, практически в одном здании. Он все еще не мог привыкнуть, что здесь все так близко.

Было уже три часа дня, есть хотелось ужасно, поэтому все трое решили сначала перекусить, а потом уже продолжить прогулку.

По узкой мощеной улице Юра вывел Валерия и Марка на площадь, где находилась величественная синагога. Вокруг было полно народа и около десятка кафе. Если судить по запаху, во всех предлагали шаурму.

– Нам сюда, – Юра повел их в одно из кафе на углу, где уже сидели группа туристов и несколько молодых израильтян.

– Вам, наверное, кажется, что все кафе одинаковые. Но это не так. Везде готовят по-разному. Здесь вкуснее всего.

Усадив их за стол, Юрий побежал заказывать еду и вскоре вернулся с тремя порциями шаурмы, а также с кока-колой, пивом и водой.

– Знаете, как называется эта площадь?

Валерий не знал, а Марк ответил:

– Синагога называется Хурва, а вот площадь – не знаю.

– И площадь тоже Хурва. Это значит «руины» на иврите. Когда-то еще в восемнадцатом веке сюда приехала группа хасидов из Польши и начала строить синагогу. Но у общины не хватило денег, чтобы расплатиться с кредиторами-арабами. И они сожгли ее в 1721 году. Отсюда и название. В 1864 ее восстановили, но в 1948 она опять была уничтожена арабским легионом. То, что вы сейчас видите, – это копия синагоги девятнадцатого века. Ее несколько лет восстанавливали и окончательно открыли 15 марта 2010 года.

На какое-то время все замолчали. Юра продолжал молча есть, но чувствовалось, что ему хочется сказать что-то важное, может быть, попросить о чем-то, но он не решался. Марк взял инициативу на себя:

– Вы, наверное, хотели с нами о чем-то поговорить. Кроме достопримечательностей, разумеется.

– Да. Вы ведь из Ленинграда, – сказал Юрий. Валерий и Марк уже заметили, что большинство русскоязычных репатриантов употребляли старое название города. – Я хотел попросить вас об одном одолжении. Не волнуйтесь, это совсем не потребует много времени. Поверьте, для меня это важно, очень важно!

«Понятно, опять придется тащить чужой багаж», – подумал про себя Валерий.

В своих многочисленных поездках он уже привык, что большинство знакомых и родственников считали, что он обязательно должен брать с собой их посылки. Как будто почты не существовало!

Догадываясь о его мыслях, Юра поспешил сказать:

– Вы не волнуйтесь, там всего одна иконка и письмо. Понимаете, это моя хорошая знакомая, я когда-то работал с ее мужем. Он трагически погиб. Выбросился из окна. Сейчас я ей иногда помогаю. Она очень просила эту икону. Это улыбающаяся мадонна. Вы, наверное, слышали, что это единственная икона, на которой мадонна улыбается. Сама икона находится в Вифлееме, там же делают и копии. Вот, посмотрите, – Юра вынул маленький пакет, в котором действительно была копия улыбающейся мадонны.

Валерий слышал об этой иконе, но видел впервые. Мадонна улыбалась легко и чуть-чуть грустно.

– Еще в конверте письмо и триста долларов, – продолжал Юра. – У ее сына скоро день рождения. Не беспокойтесь, вам не надо будет куда ехать. Вы только ей позвоните, она сама придет, куда скажете.

Валерий положил пакет в свою сумку и из-за профессионального любопытства спросил:

– А почему он выбросился из окна? Вы не знаете?

– Мы оба тогда работали в одной фармацевтической компании, – ответил Юрий. – Это было СП – совместное предприятие, русско-американское. Помните, в девяностых годах много таких было. Его отправили в командировку в Индию, там у них тоже было какое-то производство. Он вернулся месяца через четыре очень подавленный. Мы все спрашивали, что с ним, но он ничего не рассказывал. Даже жене. А через две недели выбросился из окна. Никто так и не понял, что там с ним произошло.

Валерий и Марк переглянулись.

– А чем вы занимались в вашей фармацевтической компании? – спросил Марк.

– В начале импортировали биологически активные добавки, так называемые БАДы, лекарства. Потом организовали свое производство под Ленинградом. Там стали делать часть добавок, чтобы сэкономить на «растаможке». Кроме того, рабочая сила тогда была дешевая. Они собирались и какие-то лекарства производить. Я подробностей не знаю, не долго там проработал. Уволился. Мне тогда предложили работу в другой фирме за большую зарплату, а деньги очень были нужны. Я уже собирался сюда перебраться, хотелось скопить что-нибудь на первое время.

– А кем там работал ваш друг? – продолжил Марк свои вопросы.

– Мы с ним вместе в офисе работали, занимались регистрацией, таможней. В общем беготня сплошная, работа не из приятных. Потом, когда я уже ушел, его перевели в технологи на новое производство. Он ведь и был технологом по образованию. Вы этим как психологи интересуетесь? Хотите понять, что его могло подтолкнуть к роковому шагу?

– Да, как психологи, – задумчиво ответил Марк.

Они распрошались с Юрой, который упорно предлагал показать им еще достопримечательности и потом отвезти в отель. Когда они решительно отказались, Юрий уехал, а Валерий и Марк пошли на площадь Стены Плача. Было около пяти. Народа в это время оставалось уже немного. Они подошли к самой Стене и постояли минут десять. Оба молчали, только Марк иногда что-то шептал про себя. Валерию показалось, что он молится. Он никогда не думал, что Марк может быть религиозным человеком. Сам он просто стоял, думать ни о чем не хотелось, но не хотелось и уходить отсюда. Это было похоже на спонтанную медитацию.

Когда они вышли с мужской половины на общую часть площади, к ним подошла молодая девушка в длинной темной юбке и с платком на голове. Она попросила их дать денег на помощь для многолетних религиозных семей. Не стовариваясь, они дали по десять долларов и медленно пошли к воротам. Идя вдоль стены старого города по направлению к трамвайной остановке, Марк спросил:

– Ты о том же думаешь?

– Да, – кивнул Валерий. – Может, это и бред, но похоже на Снегирева.

– Вот именно, что похоже. Может, просто ассоциации, ничего больше. Но с этой вдовой поговорить надо.

– Надо. Я поговорю, – согласился Валерий. В этот момент он еще не знал, к каким последствиям приведет его знакомство со вдовой.

* * *

Даша сидела одна на веранде родительской дачи. Эту дачу в свое время дали дедушке – ответственному работнику Ленгорисполкома. Дом, который раньше казался большим и крепким, сейчас уже порядком обветшал. На фоне двух- и трехэтажных кирпичных коттеджей, выстроенных рядом в последние годы, он выглядел как маленький островок из прошлого. Бабушка с дедушкой умерли четыре года назад с перерывом в два месяца. С ними ушла и прошлая дачная жизнь. Когда-то это был большой дачный кооператив. Взрослые копались на участках, ходили за грибами и собирались друг у друга «на чай», а дети целыми днями носились по улице. Сейчас от того кооператива осталось всего пять деревянных домиков, обитатели которых приезжали редко. Те, кто жил в новых коттеджах, скрывались за высокими заборами и на улице почти не показывались. Даша любила это место не только из-за воспоминаний своего детства. Здесь можно было спокойно посидеть, подумать и принять решения. После всей городской суеты мысли из хаоса выстраивались в порядок.

Сейчас она снова размышляла о последней встрече с Кирилловым в кафе на Невском. Может, он прав, у Снегирева просто была депрессия? А мы ищем какую-то конспирацию. Думать так было удобно.

«Почему я занимаюсь чужими делами, подумала бы лучше о себе», – опять начался внутренний монолог.

Раньше Даше казалось, что ее привычка постоянно вести разговоры с собой – признак какой-то патологии. Но потом она прочитала, что никакая это не патология, а признак интеллигентности и способности к самоанализу. Монолог продолжался:

«Что у меня есть? Хорошее образование, стабильная работа с неплохой зарплатой. Неплохой, но и не очень-то большой. Жить можно, но особо не разгуляешься».

Можно было бы, конечно, попробовать поискать работу за границей. Но здесь существовало несколько препятствий. Во-первых, были родители, которых не хотелось оставлять. Даша была поздним и единственным ребенком, а родителям было уже за шестьдесят. Во-вторых, Даше казалось, что она просто не сможет там приспособиться. Не из-за языка, английский у нее был на хорошем уровне, но она не сможет привыкнуть к чужим людям и другим отношениям.

В личной жизни – полный провал. В тридцать два года ни семьи, ни даже бойфренда. С последним Даша рассталась два года назад. С тех пор ничего! Может, она просто постарела и перестала нравиться мужчинам? Хотя нет. За ней иногда пытались ухаживать, но те, кто ухаживал, обычно ей не нравились. Валерий ей понравился, но он ведь за ней не ухаживал, они просто дружески разговаривали. Да и Кириллов тоже ничего, кажется она ему нравится, но у него семья! Интересно, узнал ли Валерий еще что-нибудь про эту Ольгу? Вот и повод позвонить!

Даша набрала телефон Валерия. В ответ послышались длинные гудки, но минуты через три раздался звонок по вайберу⁸.

– Даша, как хорошо что вы позвонили, – Валерий, казалось, был искренно рад. – У вас какие-то новости?

– У меня пока ничего. Я просто хотела узнать, вы нашли Ольгу?

– Я понял, кто она. Самое интересное, что я был с ней знаком, хотя совсем мало. Ее убили месяц назад в Москве.

– Убили? Значит, получается, что они со Снегиревым занимались чем-то опасным?

– Наверное, но я еще почти ничего не знаю. Я сейчас в Израиле. Кстати, здесь мы тоже познакомимся с одним человеком, который рассказал нам о своем знакомом. Тоже самоубийство. По-моему, похожий случай. Только это не телефонный разговор. Приеду через неделю – расскажу.

От того, что Валерий считал их встречу чем-то само собой разумеющимся, Даше стало приятно.

Дождь продолжал капать. Из знакомых соседей все были в городе, книжки (в основном детективы) были уже перечитаны раза по три. Как всегда, в таких случаях выручить мог только ноутбук.

Включив компьютер, Даша задала себе вопрос: если Снегирева все-таки подтолкнули к самоубийству, то как? У полиции, кажется, не было сомнений, что это самоубийство. Никаких данных, что кто-то был в его квартире. Следов насилия не нашли. Значит, выбросился он сам, и смерть наступила именно от этого. Но может, его заставили это сделать? Даша вспомнила, что читала где-то про наркотические вещества, которые вызывают галлюцинации и могут довести до самоубийства. Она немного поколебалась и написала в Гугле «drugs provoked suicide». Лекарства, провоцирующие самоубийство. Ссылок оказалось много, и она начала по порядку их просматривать.

Минут через сорок пришлось прерваться, глаза уже начали уставать. Даша постаралась отодвинуться от экрана вместе со стулом и решила посидеть минут пять, просто глядя в окно. Пока глаза отдыхали, в голову пришел еще один вопрос. Если ему действительно что-то подсыпали, то как и когда? Снегирев жил довольно замкнуто и не любил распространяться о своей личной жизни.

Где и с кем он встречался вне работы, приглашал ли кого-то домой, Даша не знала. Но ведь было кафе, где они собрались после тренинга. Это тоже возможность! У Даши была великолепная зрительная память, и она прекрасно могла представить себе всю картину, кто и где сидел. В ту неделю они собирались два раза. Первый – сразу после тренинга, а потом еще раз, в день смерти Снегирева. Если ему что-то и подсыпали, то именно тогда, во вторую встречу! Она представила себе всю расстановку. С правой стороны от нее сидел Сергей Кириллов, потом Снегирев, а за Снегиревым – Галя. Она работала в их же отделе. Болтливая и взбалмошная девица и посредственный программист. Многие даже удивлялись, почему ее держат на работе, но начальство к ней благоволило. Может, у нее имелись какие-то связи, о которых никто не знал.

---

⁸ Специальное приложение для звонков через Интернет.

Получается, что если это произошло в кафе, то был кто-то из них двоих. Галя или Сергей. А ведь и на встрече сразу после тренинга они сидели так же! Это уже само по себе насто- раживало. Ни Галя, ни Сергей не были близки со Снегиревым. Почему же они два раза сади- лись рядом с ним? Почему они вообще пошли в кафе именно в тот день, когда умер Снегирев? Это же был понедельник, а в кафе обычно ходили в конце недели или после каких-то меропр- иятий. Даша никак не могла вспомнить, кто тогда предложил собраться в кафе после работы.

Она решила вернуться к Интернету. Примерно за час ей удалось найти и прочитать четыре вполне серьезные статьи, где анализировались результаты исследований. Вывод был неутешительный. Оказалось, что есть данные о многих лекарствах, которые могли вызвать мысли о самоубийстве. Антидепрессанты, лекарства при эпилепсии, для понижения холесте- рина и даже средства, которые уменьшают аппетит. Самым странным Даше показалось лекар- ство от облысения под странным названием «финостерид пропечия», которое, по данным английских ученых, вызывало суицидальные мысли у тридцати девяти процентов мужчин, его применявших. Но во всех случаях речь шла о том, что мысли о самоубийстве и само само- убийство могут возникнуть только при длительном применении лекарств и только у некоторых пациентов. О том, чтобы действовать быстро и еще на все сто процентов, речь вообще не шла.

«Ладно, с лекарствами ничего, – подумала Даша. – А с наркотиками?»

Она набрала «narcotic drugs». Сайтов было много. Просмотрев десяток, Даша попала на очень понятную классификацию наркотиков и последствий их применения. Вероятность самоубийства упоминалась в двух случаях. Экстази и галлюциногены. Галлюциногены пока- зались особенно интересными. Например, ЛСД. В свое время был очень модным наркоти- ком в среде шоу-бизнеса и вообще в период сексуальной революции шестидесятых. Также он использовался разными экспериментаторами в практической психологии, которые хотели войти в «измененное состояние сознания».

Кроме ЛСД, упоминались и совсем экзотичные галлюциногены – псилоцин и псилоци- бин, которые содержались в грибах. Всего два грамма таких грибов были способны вызвать галлюцинации и в некоторых случаях привести к самоубийству. Хотя и тут речь шла всего лишь о вероятности.

Валерий упомянул в разговоре, что в Израиле ему рассказали об аналогичном случае самоубийства. Человек тоже выбросился из окна? Решив, что это надо обязательно уточнить, она набрала телефон Валерия по вайберу, но в ответ слышались только длинные гудки. На обычный номер звонить было неудобно. А вдруг там входящие звонки дорогие! О своих расходах Даша не думала, но в отношении чужих была щепетильна.

В Интернете попадались и совсем странные теории. Например, что спровоцировать само- убийство можно через облучение мозга особым спектром электромагнитных волн. Сообща- лось, что этим занимаются спецслужбы. А может, действительно занимаются? Кто знает, чем они вообще занимаются! Получается, что Снегирев открыл какое-то тайное оружие спецслужб, и они за это решили его уничтожить. А какие спецслужбы? Наши? Не обязательно. Он же талантливый. Мог влезть на сайты ЦРУ, МИ6 или вообще каких-нибудь китайцев или север- ных корейцев. Надо будет рассказать об этом Валерию. Хотя он, наверное, будет смеяться. Слишком это все конспиративно звучит.

* * *

Андрей Краснов в последние две недели совсем закрутился. Все та же проблема с день- гами, которых всегда не хватало. Пришел новый товар, возникли проблемы с «растаможкой», а еще уволенный три месяца назад сотрудник начал строчить жалобы во все инстанции. Все это по отдельности особых трудностей не создавало. Деньги обычно находились, проблемы с таможней решались. Даже с проверяющими можно было как-то разобраться. Неприятность

состояла в том, что навалилось все сразу. Иногда Андрей чувствовал себя как загнанный волк. Но к концу двухнедельного периода проблемы начали рассасываться.

Все это время он был так занят, что не думал ни об Ольге, ни о Никольской, ни об Антоне, которому собирался звонить еще месяц назад. Но сейчас он вспомнил.

– Здравствуйте, Антон. Помните, мы с вами разговаривали. Вы мне звонили, когда в Питер возвращались на поезде. Вы тогда про Ольгу рассказывали, чем она занималась. Вы извините, я как-то не очень серьезно отнесся, но сейчас задумался. Вам удалось узнать что-то новое?

Звонок приятно удивил Антона. Он уже не ожидал, что Краснов когда-нибудь проявит интерес. В нескольких словах он попытался передать то, что услышал от Валерия про Снегирева, а затем спросил:

– А вы полиции рассказали тогда? Про то, над чем Ольга работала?

– Нет, не рассказывал. Думал об этом, но о чем рассказывать? Что она интересовалась какими-то ксеноэстрогенами и антиоксидантами? Она работала в Институте питания, понятно, что занималась этими вопросами. В детали полиция вникать не будет.

Антон совсем не был уверен, что полиция не будет вникать. Может быть, как раз эти детали и навели бы на след. Очевидно, что у Краснова были причины, чтобы не говорить об этом с полицией. Может, им самим надо попробовать? Он все-таки спросил:

– А что полиция говорит про Ольгу? Есть какие-то новости в расследовании?

– Ничего они не говорят. Если даже есть что-то новое, то мне вряд ли сообщат. Я же не родственник.

После этого разговора у обоих осталось чувство неудовлетворения. Краснов ожидал от Антона каких-то разъяснений по поводу работы Ольги. Информация про Снегирева никакой ясности в этот вопрос не вносила, скорее, просто убеждала в том, что Ольга занималась чем-то опасным. А это опять сулило неприятности для фирмы.

В свою очередь, Антон не на шутку разозлился. Значит, этот «биг босс» даже не потрудился позвонить в полицию и поинтересоваться, как идет расследование. Сам Антон позвонить в московскую полицию не мог, он не знал, кто этим занимается, да и с ним точно не стали бы разговаривать.

Получается, надо искать родственников и коллег Ольги из Института. Он вспомнил, что у Ольги есть дочь, кажется, студентка. Вот только знаком он с ней не был и домашнего телефон Ольги не знал. Точнее, он даже не знал, был ли у нее вообще домашний телефон. Оставался единственный вариант – звонить в Институт профессору Никольской, как он собирался еще в Зеленогорске, но так и не позвонил. Никольскую Антон видел всего пару раз на конференциях в Москве, лично с ней знаком не был. Ну и что? В конце концов, если ее интересуется, что случилось с Ольгой, то вряд ли она откажется от разговора.

Визитку Никольской Антон так и не смог отыскать, но в Интернете сразу нашел координаты Института. Никольская была замом директора по науке, не зная ее не могли. Действительно, женщина, которая взяла трубку, любезно ответила, что профессора Никольской сегодня в Институте нет и не будет, но завтра после трех у нее приемное время.

Все это время Антон сидел в маленькой кафешке рядом с медицинским центром, где он работал. Кафешка смахивала на забегаловку, но кормили вполне сносно. Здесь были и хорошие пельмени, и любимые с детства сырники, и съедобные котлеты. Пора было возвращаться в на работу, через десять минут должен был прийти очередной пациент.

Уже открыв дверь кабинета, Антон увидел коллегу, эндокринолога, который шел мимо по коридору. Они не были друзьями, но, как и большинство коллег, в перерывах между приемами любили вместе выпить кофе и потрепаться. Разговор шел чаще всего о работе. Поругивали начальство, жаловались на привередливых пациентов и очередные реформы.

Вот и сейчас эндокринолог, встретив Антона, остановился, чтобы пожаловался. Суть сводилась к тому, что он начал работать с новым лекарством для снижения веса, которое рекомендовала известная фармацевтическая фирма. Лекарство действительно работало, только у многих пациентов во время приема почему-то ухудшалось настроение. На фоне общей подавленности даже возникали мысли о самоубийстве. Антон внимательно выслушал, выразил сочувствие и возмущение наглыми фармацевтическими компаниями.

Про себя Антон подумал: «А что если Снегиреву подсыпали что-то подобное, только в большой дозе? Надо бы подробней расспросить эндокринолога».

Но сейчас им обоим предстоял прием, и разговор пришлось отложить.

* * *

Валерий, Марк и еще двое – то ли друзей, то ли дальних родственников Марка, Валерий так этого и не понял, сидели в рыбном ресторане в Яффо, старом городе Тель-Авива. Ресторан находился в рыбацком порту у самого берега. Пахло морем, рыбой и приправами. Разговор шел в основном между Марком и его друзьями-родственниками и касался общих знакомых.

Валерий в разговоре почти не участвовал и, глядя на море, предавался своим мыслям.

– Валер, – окликнул его Марк. – Знаешь, Яша ведь врач-токсиколог, – Яша был одним из сидящих за столом. – Он может нам помочь разобраться.

– О чем идет речь? – заинтересовался Яша.

Ему коротко рассказали про Снегирева. Яша выслушал эту историю очень внимательно. Затем Марк спросил:

– Что скажешь? Есть такое лекарство, которое может подтолкнуть к самоубийству?

Яша ответил серьезно:

– Подтолкнуть? В каком смысле? Есть разные психотропные лекарства и наркотики, конечно, которые могут иногда спровоцировать самоубийство. Но так, чтобы съел что-то и наверняка... О таком я не слышал. Но если вас интересует, могу покопаться, поспрашивать.

Это была хоть какая-то надежда, почему-то им обоим казалось, что Яша обязательно что-то «накопает».

Яша обещал позвонить, если будут новости, и разговор переключился в другое русло.

* * *

В этот раз, когда Антон позвонил в Институт здорового питания, его сразу же связали с Никольской. Профессор держалась холодно. Антона она не помнит, но раз он был коллегой Ольги, то, конечно, она готова ответить на его вопросы.

Антон коротко рассказал о своих подозрениях и спросил:

– Татьяна Гавриловна, Ольга, насколько я знаю, занималась ксеноэстрогенами, антиоксидантами и усилителями вкуса. Может быть, у нее были и другие темы?

– А как же! Она писала докторскую по ферментам.

– А что там могло быть такого опасного, чтобы ее из-за этого убили?

– Молодой человек, – начала Никольская. – А вы кто, простите, по образованию?

Услышав ответ Антона, она обрадовалась.

– Врач – это хорошо! Есть у меня кое-какие идеи, но разговор не телефонный. Почему бы вам ко мне не подъехать?

– Я же из Питера звоню.

– Вот как. А в Москву не собираетесь?

В Москву Антон не собирался, но решил что-нибудь придумать. Можно поговорить с Красновым – организовать презентацию. В прошлый раз Краснов жаловался, что презентаторов для Москвы и области не хватает. Поэтому он ответил:

– Я постараюсь приехать в самое ближайшее время. Мне самому надо с вами поговорить. Спасибо вам, Татьяна Гавриловна!

– Пока не за что. Жду вас.

С Красновым Антону удалось договориться неожиданно быстро. Ему не хотелось рассказывать о своем разговоре с Никольской, поэтому он просто объяснил, что у него личные дела в Москве. Якобы он мог сочетать их с презентацией. Краснов, как показалось Антону, даже обрадовался. Оказалось, что московские сотрудники сейчас все в разъездах, а структуры в Подольске и Сергиевом Посаде просят провести презентацию прямо сейчас. Потом их ведущие дистрибьюторы тоже будут чем-то заняты. Решили запланировать приезд на следующую неделю. Осталось только взять отпуск на несколько дней за свой счет в центре, но с этим у Антона проблем обычно не возникало.

* * *

Сегодня по плану была Нетания. Для Валерия это был последний тренинг в Израиле.

Приморский город встретил их ярко-синим морем, желтым пляжем, пальмами и многочисленными кафе, где сидела хорошо одетая публика. Слышалась русская и французская речь.

Оставив Марка в одном из таких кафе, Валерий пошел на тренинг. В этот раз группа собралась небольшая, всего двенадцать человек. С профессиональной точки зрения это было идеально. Он всегда старался проводить тренинги только в малой группе от пяти до двадцати участников. Больше людей – это уже не тренинг, а шоу. Такие представления любили устраивать всякого рода проповедники от протестантских пасторов до индийских гуру или «суперлидеров» МЛМ⁹. Валерий шоуменом не был.

В этот раз в группе были также молодые люди. Три девушки и один парень, похоже, уже второе поколение, выросшее в Израиле. Все они, кроме одной девушки, говорили по-русски с акцентом и иногда затруднялись, подбирая нужное слово.

Тренинг уже подходил к концу. Под конец Валерий оставил любимое всеми упражнение, где участники «хвалили» друг друга. Один из них вставал, а каждый из присутствующих должен был описать несколькими словами, что ему больше всего нравится в этом человеке. На очереди была девушка, которая, единственная из «молодых», говорила по-русски свободно. Как оказалось, она приехала в Израиль всего год назад. Лет двадцати семи, небольшого роста, очень энергичная, она стояла с довольным видом и предвкушала, как ее начнут «хвалить».

Говорить должны были по очереди. В начале все было банально. Добрая, отзывчивая, энергичная, веселая... Когда очередь дошла до полной женщины в очках, та сказала: «Светочка такая любознательная, такая дотошная, прямо-таки до всего докопается...».

За «любознательность» хвалили не часто, и Валерий вспомнил, что не так давно уже это слышал. Ну да, на тренинге в злополучном «Компрестарте». Именно так отозвался один из сотрудников о погибшем Снегиреве. «Любознательный, интересные вещи рассказывает, аж дух захватывает...»

Интересно, что он такого рассказывал, что захватывало дух? Надо бы встретиться с этим сотрудником, когда вернемся в Питер.

Закончив тренинг, Валерий распрощался и вежливо отклонил предложение дамы – лидера структуры отобедать вместе. Он оправдывался тем, что их уже ждут в Бат-Яме.

---

⁹ Сетевой, или т. н. «многоуровневый» маркетинг (multilevel marketing, MLM).

На самом деле их никто не ждал, просто он устал от людей, хотелось использовать остаток дня, чтобы отдохнуть. Завтра после обеда их ждал перелет во все еще холодный Петербург.

Марка он нашел на пляже. Похоже, что тот провалялся там все время, пока Валерий трудился в поте лица. Глядя на блаженную физиономию Марка, Валерий даже позавидовал, но было еще сравнительно рано, около пяти. Можно было наверстать упущенное и пойти поплавать.

Выбравшись из моря, он почувствовал, что хочется есть. Он ведь не ел с утра!

Марк заявил, что нашел новое, «очень крутое» кафе. Они пошли туда, заказали огромные, ужасно вкусные сэндвичи и кофе. Валерию – черный, а для Марка – «кафе ум халяв», кофе с молоком. В отличие от других кафе на пляже, в этом слышалась в основном израильская речь. За соседним столиком сидела компания молодежи в военной форме – трое парней и две девушки. Ребята в солдатских мундирах не выглядели муштрованными. У одного парня были длинные волосы, у другого – борода, а у третьего из-под берета торчали длинные пейсы, похожие на косички. Девушкам военная форма придавала какой-то особый шарм.

Пока Валерий рассказывал про сегодняшний тренинг и одновременно рассматривал публику, у Марка зазвонил телефон. Тот отрывисто ответил:

– Понятно, будем. – Обратившись к Валерию, Марк сказал: – Яша звонил. Помнишь, с которым вчера сидели в Яффо. Он хочет поговорить по нашему вопросу, но не по телефону. Предлагает подъехать в Тель-Авив.

* * *

Яша предложил встретиться в Тель-Авиве, на станции Азриэли-центр, куда можно было добраться от Нетании примерно за час. Выйдя из поезда, они сразу же оказались в торговом центре. Магазины известных брендов, много молодежи, все как в России. Только девушки в военной форме напоминали, что это Израиль. Валерий подумал, что они сядут здесь же, в каком-нибудь кафе, но Яша предложил снова поехать в Яффо.

Ехали на Яшиной машине. С трудом нашли место на парковке, а потом сели в парке Яффо, в ресторанчике с марокканской кухней.

– И что у тебя за идея? – поинтересовался Марк у Яши.

– Мне кажется, вы не то ищете. Вы пытаетесь найти какое-то вещество, которое подсыпали вашему Снегиреву, от которого он выбросился в окно.

– В общем да, – согласился Марк. Валерий тоже кивнул.

Яша продолжал:

– А зачем ему это подсыпали?

– Наверное, он узнал что-то «лишнее». Его хотели убрать как свидетеля, – сказал Марк.

У Валерия, молча наблюдавшего этот разговор, было чувство, что они играют в какую-то игру.

– Вот именно. «Убрать свидетеля». Это ключевые слова. Но ведь «убрать свидетеля» можно не обязательно физически. В смысле не обязательно его убивать, достаточно просто сделать его негодным. Ты знаешь, что ЛСД иногда провоцирует острый психоз, который потом часто не выключается обратно.

– Да, все так, – подтвердил Марк. Он в свое время работал в центре реабилитации наркоманов. – Но только это не у всех. Обычно психоз начинается у людей, у которых есть к этому генетическая предрасположенность. Причем начинается именно тот тип психоза, к которому эта предрасположенность имеется. У кого-то будет острая шизофрения с галлюцинациями, у другого – паранойя или биполярное расстройство. Если кто-то ему подсыпал ЛСД, как он мог знать, будет ли у Снегирева психоз? И какой именно? Как он будет проявляться?

– Как именно он проявится, в принципе неважно. При любом выраженном психозе человек как свидетель ничего не стоит. Не выбросился бы он в окно... Кто бы стал серьезно относиться к тому, что говорит какой-то шизофреник? Бред и все. А знал ли этот некто, что психоз появится? На сто процентов он знать не мог, но мог предполагать. Если этот человек хорошо знаком со Снегиревым, он мог знать, что у него имеется такая предрасположенность. Следовательно, можно было предвидеть высокую вероятность начала психоза.

– Но чтобы это знать, надо разбираться в психиатрии, в наркологии!

– Совершенно верно. Значит, надо искать в близком окружении Снегирева человека, который имел бы познания в психологии, психиатрии, наркологии. Что-то из этой сферы. Это не обязательно должен быть именно ЛСД. Есть и другие синтетические наркотики с подобным действием.

– Подождите, – вмешался Валерий. – Вы хотите сказать, что если, например, у меня имеется генетическая предрасположенность к шизофрениии, о которой я сам не знаю, то при приеме ЛСД у меня начнется настоящая шизофрениии?

– Весьма вероятно, – ответил Яша. – Самое плохое, что если она разовьется, то остановить ее сложно. Придется проходить психиатрическое лечение со всеми последствиями. И не особенно благоприятным результатом.

– Но ведь это не так просто определить. Есть ли такая предрасположенность у человека или нет? Тот, кто это сделал, должен быть специалистом, – продолжал Валерий.

– Мы об этом и говорим. Кстати, кто у нас специалист и в последнее время общался со Снегиревым? – это уже вставил Марк и посмотрел на Валерия.

Разумеется, это был юмор. Марк любил пошутить, но сейчас его ирония показалась Валерию абсолютно неуместной.

* * *

Первый день Антона в Москве был заполнен лекциями и презентациями. С профессором Никольской он созвонился и договорился встретиться на следующий день, ровно в полдень. Она предложила кафе недалеко от Института питания, где, по ее словам, предлагали чудесный бизнес-ланч. Антон немного удивился. Он почему-то ожидал, что Никольская пригласит его в свой кабинет. Профессор всегда ассоциировалась у него с чем-то официальным.

Кафе удалось найти почти сразу, хотя в Москве Антон ориентировался не очень хорошо. Внутри было уютно, стильно и довольно дорого, даже по московским понятиям. Он успел сесть за столик на двоих и заказать кофе, когда вошла профессор Никольская. Раньше Антону приходилось общаться с ней только на официальных мероприятиях. В этот раз ему бросилось в глаза – какого она маленького роста! На конференциях Никольская казалась выше, может быть, высокий статус подсознательно добавлял ей высоты.

Маленькая, в старомодном костюме, с седыми волосами, собранными в пучок, она тем не менее не выглядела старушкой. Это слово было абсолютно неподходящим для ее описания. Тем более не подходили «бабушка» или «бабуля»! Перед ним стояла пожилая, или, точнее, старая дама. Антон вдруг вспомнил, кого она ему напоминает. Это же Агата Кристи в старости! Тот же живой, любознательный взгляд и какая-то нарочитая старомодность в сочетании с известным кокетством. Никольская привычным жестом подозвала официанта, заказала капучино и киш¹⁰ с осетриной. Затем она начала разговор:

– Как хорошо, что вы приехали! Мне ведь буквально не к кому обратиться. Вы сказали, что вы врач по образованию, а какая у вас специальность, простите?

– Общая терапия, гомеопатия.

---

¹⁰ Французский пирог с начинкой.

– Прекрасно, прекрасно! Надеюсь, вы поможете мне разобраться.

– Чем я могу вам помочь, Татьяна Гавриловна? Вы что-нибудь нашли?

– Знаете, Антон, простите, можно я просто по имени. Полиция взяла жесткий диск из рабочего компьютера Оли. Они все переписали, потом вернули и сказали, что там ничего интересного для них нет. На домашнем компьютере тоже. Я на ее рабочем компьютере тоже ничего не нашла, но потом мне пришло в голову другое... Ольга работала в одном кабинете с Сашей Петренко, только он уже больше года в Америке, на стажировке. Я решила посмотреть и его компьютер на всякий случай. У нас не принято использовать пароли на компьютерах, поэтому Оля спокойно могла им пользоваться.

– И вы там что-то нашли?

– Да, черновик одной статьи. Судя по стилю – Олиной. Речь идет об одной фармацевтической фирме и ее разработке. Антидепрессант, но не классический. Вы ведь знаете, когда у человека депрессия, то ему ничего не хочется делать. Потому что он ни от чего не получает удовольствия. То, что раньше радовало, становится безразлично. Не хочется никуда ходить, ничего предпринимать.

– Я знаю, это называется ангедония.

– Вот именно. Это новое лекарство предназначалось для снятия такого состояния, оно должно возвращать радость в жизни.

– Так это же хорошо!

– Хорошо. Только оказалось, что у него масса побочных действий. Чтобы бороться с ангедонией, нужна такая доза, при которой появляется тремор рук, тошнота, иногда рвота и еще какие-то эффекты, о которых Ольга не пишет. Она оставила свободное место и замечание – добавить позднее. Но самое интересное в другом. Выяснилось, что это лекарство даже в самой маленькой дозировке, которая не подходит для антидепрессивного эффекта, является чрезвычайно сильным усилителем вкуса. Вы слышали что-нибудь об усилителях вкуса?

– Да, конечно. Глутамат натрия и тому подобное.

– Совершенно верно. Глутаминовая кислота – это природное соединение. На ее основе был синтезирован моноглутамат натрия. Считаются, что он обладает пятым вкусом. В добавлении к традиционным кислому, сладкому, горькому и соленому. Этот пятый вкус, который японцы называют «умами», универсален. Но на самом деле это вкус белка.

Антон все это прекрасно знал, но ничего не сказал и слушал внимательно. Как профессиональный преподаватель Никольская явно любила объяснять подробно и доходчиво.

– Так вот, – продолжала она, – лекарство (в статье оно называется СФД 32) обладает вкусом «умами» в сто раз сильнее, чем глутамат натрия. Это превращает его в сверхусилитель вкуса. Любая гадость с его добавлением будет казаться деликатесом.

– И вы считаете, что его уже используют в этом качестве?

– Не знаю, статья не закончена. Вы сами прочитаете, я вам распечатала. Но если это использовать, то последствия для пищевой промышленности будут колоссальные. У нас в Институте такой добавки зарегистрировано не было, я проверяла.

– А что за фирма?

– Это самое интересное! Я об этой фирме никогда не слышала, хотя все большие фармацевтические фирмы знаю. И наши, и иностранные. Я не сильна в компьютерах, попросила внука проверить. Есть ли такая фирма в реестрах, вообще упоминается ли она где-то. Так вот в Интернете никаких следов.

– Так, может, она вообще не существует? В смысле какая-то «левая», подставная?

– Вполне возможно! Поэтому я и хочу, чтобы вы подключились. Может быть, у вас есть знакомые, которые могли бы узнать об этом больше. Что за фирма и прочее. Кстати, в статье упоминается, что офис этой фирмы был в Санкт-Петербурге. Вот возьмите, я вам распечатала статью.

– Хорошо, я попробую. Но почему вы думаете, что за это могли убить Ольгу?

– Антон, вы не понимаете. Если это вещество попадет к недобросовестным производителям, они будут подкладывать его маленькое количество в свои продукты и превращать людей в зависимых. Это ведь как наркотик! Человек попробовал хлеба или колбасы какого-то фантастического вкуса и хочет еще и еще. Здесь не просто обман. Это намного хуже, потому что имеются побочные действия.

– Так вы же сами сказали, что побочные действия проявляются только при больших дозах.

– А если маленькие дозы накапливаются в организме? Потом не обо всех побочных действиях известно. Если есть что-то еще, например, влияние на генофонд? Понимаете, Антон, у нас сейчас две задачи. Выяснить, что за фирма, и было ли где-то использовано это вещество. Конечно, я задействую свои каналы, но и вы должны помочь.

– Хорошо, я все сделаю. А полиции вы не говорили об этом?

– Знаете, я сначала хотела. А потом подумала, что я скажу? Какая-то фирма разрабатывала какое-то, кажется, неудачное лекарство. Ну и что? Многие фирмы занимаются разработкой лекарств. Большинство из них неудачные, меньше половины доходит до потребителя. У нас ведь нет информации, что его где-то использовали.

Они разговаривали еще около часа. За это время Антон узнал для себя много нового. Как и большинство людей, он считал, что есть недобросовестные производители, которые могут добавлять в еду всякую гадость, а есть государственные органы, которые должны делать проверки и наказывать этих самых недобросовестных производителей. Оказалось, что все не так просто. Для наказания необходимо сделать лабораторный анализ продукта. Проблема состояла в том, что лабораторный анализ делается по определенным показателям. Можно определить количество жира или пальмового масла, можно выявить содержание определенных консервантов, делаются всякого рода микробиологические анализы. Но если в продукте есть какое-то неизвестное вещество, то определить его очень трудно, а иногда просто невозможно. Никто не знает, что это за вещество, какими способами его надо искать.

– Получается, что можно что-то подложить в еду и никто это не заметит. Даже если проведут лабораторные анализы?

Никольская кивнула.

– Вот именно! Ищут-то что-то определенное. Для каждого показателя, который исследуется, есть свои методики. Кроме того, лаборатории сертифицированы на определенные методы анализа. Если вы посмотрите сайт какой-либо лаборатории, то увидите там перечень показателей, которые они могут исследовать. На эти показатели у них есть соответствующий сертификат, что предполагает наличие определенного оборудования, реактивов и так далее.

– Но если в продукте есть какое-то неизвестное вещество, то никто не сможет его определить?

– Не совсем так. Если есть большая вероятность, что в продукте присутствует какая-то вредная добавка, то хорошая лаборатория может сделать ряд тестов и найти это. Хотя тут желательна подсказка, из какой области искать. Кроме того, надо знать, какие именно продукты исследовать. На рынке ведь огромное количество продуктов. Невозможно брать все подряд и делать такие трудные и дорогостоящие анализы. Я уже не говорю, что по-настоящему хорошо оборудованных лабораторий очень мало. И не только у нас, в Европе тоже.

Антон задумался. Из слов Никольской следовал неутешительный вывод. Получалось, что мы покупаем продукты, верим этикеткам, а что там на самом деле... Он не был приверженцем конспиративных теорий, но если все так, как объясняла Никольская, то возможностей для злоупотреблений было сколько угодно!

Глава 4

*«Я делаю свое дело, а ты делаешь свое дело.
Я в этом мире не для того, чтобы соответствовать твоим
ожиданиям.
И ты в этом мире не для того, чтобы соответствовать моим.
Ты – это ты, и я – это я, и если нам случилось найти друг друга –
это прекрасно.
А если нет – этому нельзя помочь».*

Фриц Перлз
«Gestalt Therapy Verbatim», 1969 г.

Эти слова Фрица Перлза, основателя гештальт-терапии, Валерий считал своим личным девизом. Слишком часто в прошлом он старался отвечать ожиданиям других. Ему самому было страшно трудно от этого освободиться, и сейчас он старался научить этому своих клиентов. Удивительно, как мы портим свою жизнь только из-за того, что нам не удается удовлетворить чьи-то ожидания. Мы испытываем чувство вины и стараемся себя переделать. Не потому, что это нужно нам, а потому, что так хочет кто-то другой. Родители, учителя, друзья, общество... За годы своей практики Валерий не раз убеждался, что люди безумно любят сами осложнять себе жизнь, при этом не забывая осложнять ее и своим близким.

Он уже два дня как вернулся в Питер, но за это время не успел позвонить ни Даше, ни вдове Юры из Израиля. Вот и сегодня – шесть консультаций по плану.

«Когда закончу, позвоню всем обязательно, – думал Валерий. – Хотя неизвестно еще, в каком он будет состоянии после этих консультаций».

Несмотря на профессиональное правило, что психолог не должен вживаться в проблемы клиента, после некоторых из них Валерий чувствовал себя как выжатый лимон.

Первая консультация уже прошла. Это был именно тот случай, который заставил Валерия вспоминать правоту Перлза. Женщина выросла в интеллигентной ленинградской семье. Была младшей из двух сестер. В этой «интеллигентной» семье царил террор папы-профессора. Папа был велик, он был гениален, он знал все. Если у него и были какие-нибудь проблемы, то это просто потому, что его не ценили достаточно. Кроме того, папа был коллекционером, собирал гравюры. Это считалось очень престижным занятием, которое давало доступ в круги, как тогда говорили, «рафинированной» интеллигенции.

То, что на его престижное занятие уходила почти вся зарплата, разумеется, не имело значения. Как одеваются жена и дети, тоже не имело значения. Важно, чтобы они соответствовали высоким требованиям «рафинированного» интеллигента. Дети учились в английской школе, занимались музыкой. При малейшем отклонении от норм «интеллигентности» «рафинированный» папа любил брать ремень и с удовольствием проходил по мягким местам своих дочек.

Особенно доставалось старшей Оле, которая по презумпции была «плохой». Как и все «плохие» девочки, она забеременела в семнадцать лет, сделала аборт, а в восемнадцать вышла замуж, через год развелась и осталась с маленьким ребенком. Младшая Люба очень старалась быть «хорошей». Она слушалась папу и маму, ей редко доставалась порка. Глядя на старшую сестру, она не заводила никаких отношений с мальчиками, пока не вышла замуж.

Сейчас перед Валерием сидела безумно уставшая пятидесятилетняя женщина, которая всю жизнь хотела только одного – нравиться своим близким. Она ухаживала за папой, который, несмотря на свои почти восемьдесят лет и новую жену (старая жена – мама девочек – тихо умерла уже лет тридцать назад), требовал постоянного внимания. Казалось, что она должна была его ненавидеть, но она его боготворила. А еще она помогала старшей сестре, у которой

так и не сложилась жизнь. Она кормила великовозрастного сына и невестку, которые почему-то никак не могли найти нормальную работу, но успели обзавестись двумя детьми.

Люба «пахала» на трех работах, но, несмотря на ее хорошее образование, все работы были с небольшими доходами, но с кучей проблем и обязанностей. Муж уже давно ушел к другой женщине, которая не работала так много, но регулярно ходила в парикмахерскую и покупала себе новые туфли. Люба себе не покупала почти ничего. Да и как покупать, если всем родственникам постоянно что-то нужно. Оле, папе, сыну с его семьей. К Валерию она попала случайно. Сама бы ни за что не пошла, это же так дорого! Ее уговорила соседка и даже предложила платить. Люба знала ее с детства, когда-то эта соседка была подругой ее матери. Она согласилась в память о маме. И вот теперь Валерий уже второй месяц пытался научить ее заботиться о себе и отстаивать свои интересы. Но как это было трудно! Ему казалось, что у половины его клиентов есть такие же проблемы. Почему они так мучают себя и его – бедного!

Закончив со всеми клиентами и еще не полностью придя в себя, Валерий решил выпить кофе, а потом уже думать, кому и когда звонить. Но телефон зазвонил сам. Это был Антон, который кратко рассказал о своей поездке в Москву и разговоре с Никольской. Он предложил сразу же встретиться. После консультаций встречаться Валерию ни с кем не хотелось. Это только кажется, что шесть клиентов – совсем немного, а на самом деле нужно минимум часа два, чтобы после них войти в нормальную форму. Но и отказываться Валерию было неудобно. Антон сказал, что он где-то близко и пообещал подъехать в рамках двадцати минут.

Сам Антон, вернувшись из Москвы, всерьез задумался, к кому ему обратиться, чтобы решить два вопроса. Во-первых, найти фирму, о которой говорила Никольская, во-вторых, понять, использовал ли кто-то их «лекарство». Еще в Москве он позвонил Илье Андреевичу из группы разоблачающих конспирацию. Телефон ему дал Валерий, когда они сидели в кафе, в Зеленогорске. Почему-то Антон был уверен, что Илья Андреевич сможет ответить на все вопросы. Представившись другом и коллегой Валерия и промолчав о Никольской, Антон поинтересовался, слышал ли тот об усилителе вкуса, который действует в сто раз сильнее, чем глутамат натрия.

Илья Андреевич вопросу не удивился, наверное, ему такие вопросы задавали часто, но о подобном веществе ничего не слышал. Он лишь сказал, что теоретически это вполне возможно. Разговор разочаровал Антона, теперь оставалось надеяться только на Валерия. У того были связи с самыми разными людьми, в том числе с компьютерщиками, а они могли сделать чудеса по части поиска информации. Во всяком случае, Антон надеялся, что это именно так.

Когда Антон рассказал про московскую поездку и спросил про компьютерщиков, Валерий сразу подумал о Даше. Остальные его знакомые компьютерщики тоже все были из «Компрестарта», но после недавних событий он уже никому не доверял. Валерий даже внутренне обрадовался. Появился еще один повод позвонить Даше, но по старой привычке к самоанализу он тут же одернул себя.

«Как мальчишка! – подумал Валерий. – Я хочу позвонить девочке и придумываю повод. Это прямо как в школе. Нравится девчонка, и ты звонишь, чтобы спросить, что на дом задали. Будто просто так позвонить не могу!»

Все, что рассказал Антон про беседу с Никольской, было интересно, но как-то слишком конспиративно. Хотя подсадить человека на определенную марку колбасы – это хитро, так ведь можно больше чем на наркотиках заработать. Получается, правильно Ленка говорит. Покупать надо только элементарную еду – мясо, овощи, фрукты... Чтобы было ясно, что ешь. Хотя ведь можно и в мясо что-нибудь подложить.

* * *

На следующий день Валерию предстояли две встречи. Одна с Дашей, они договорились встретиться в том же кафе на Малой Садовой, где и в первый раз. На сначала предстояла встреча с вдовой Юры из Израиля. Ее звали Татьяна Игоревна, встреча была назначена у выхода из метро «Гостинный Двор». В начале разговора по телефону Татьяна Игоревна держалась настороженно, но искренне обрадовалась, когда Валерий сказал ей про икону и деньги. Интересно, чему она обрадовалась больше?

«Ладно, не надо быть циником», – подумал он про себя.

Куда с ней пойти? Вести ее в кафе на Малой Садовой Валерию совсем не хотелось, это была их с Дашей территория. Однако недалеко от метро располагалась открытая кафешка, где подавали кофе, пиво, всякие безалкогольные напитки и, кажется, что-то из еды. Можно пойти туда, если не будет дождя.

Татьяна Игоревна оказалось полной дамой лет пятидесяти с гаком. Впрочем, дамой ее можно было назвать с известной натяжкой. Правильнее было бы сказать – тетка. Ее одежда вполне соответствовала этому слову. Плохо сидящие брюки, яркая блузка навывпуск и плащ с цветным платком. Дождь все-таки начался, поэтому Валерий предложил пойти поговорить в другое кафе напротив, около Пассажа. Татьяна Игоревна заметно смутилась, кафе было довольно дорогое. Когда Валерий несколько раз повторил, что он угощает, она успокоилась.

Кафе и впрямь было дороговатое, но уютное и спокойное. Народу почти не было. До встречи с Дашей оставалось больше часа. Валерий решил воспользоваться случаем и расспросить Татьяну подробно.

Она быстро спрятала конверт с деньгами в сумочку и, держа в руке икону, начала рассказывать, не дожидаясь приглашения.

– Вы знаете, я так Юре благодарна. Он ведь единственный, кто Олежку вспоминает. Остальные все уже забыли. Первое время после его смерти еще звонили, помощь предлагали, а потом все куда-то исчезли. Я понимаю, что у каждого своя жизнь. Да и когда человек несчастный, это отталкивает.

С последним утверждением Валерий был полностью согласен. Несчастливые люди действительно обычно пугают и отталкивают. Словно у человека есть инстинкт – стоять подальше от несчастных, чтобы не заразиться. Конечно, существуют люди, у которых этого инстинкта как бы нет. Наоборот, они стараются выискивать несчастных, помогать им. Иногда тратят на это всю свою жизнь.

Часто с коллегами Валерий спорил, что это – проявления мазохизма или высшее благородство? Может быть, и то, и другое вместе? А ведь «несчастливые» во многих случаях ничего не делали, чтобы выйти из своего состояния. Валерий постоянно сталкивался с этим у своих пациентов. Человек приходил, жаловался на жизнь, на неудачи, на близких, но как только ему предлагали что-то сделать для изменения своей жизни, начинал яростно сопротивляться. «Несчастье» было его зоной комфорта. Там плохо, но уютно. Оно обеспечивало сочувствие, а иногда и помощь других. А самое главное, оно служило универсальным основанием для того, чтобы не прилагать никаких усилий. Ведь любое изменение требует усилий, а для многих именно это тяжело.

У большинства таких людей действовал инстинкт, предписывающий идти по пути наименьшего сопротивления. Люди с подобным инстинктом были кошмаром для психотерапевта. Часто случалось, что после месяцев напряженной работы человек просто объявлял, что менять он ничего не будет. Ему и так хорошо, то есть вообще-то нехорошо, но менять он все равно ничего не будет. Бесполезно, еще и хуже может стать.

– Я так понял, что ваш муж и Юрий вместе работали?

– Да, в одной фирме. Вы знаете, он ведь сначала работал в научно-исследовательском институте. Подавал такие надежды! Новые разработки, диссертация почти готовая. А потом пришли девяностые, и им перестали платить. Месяцами вообще не платили! А у нас ребенок

маленький, да и у меня на кафедре, я в «Бонч-Бруевиче»¹¹ работала, тоже проблемы были. У секретарей вообще зарплаты крохотные. Вот ему и пришлось искать работу в коммерческих структурах. Предложили эту фирму.

– А что за фирма?

– Показалось, что солидная. Совместное предприятие – русско-американское. Зарплата хорошая, даже в валюте платили. Первое время он работал не совсем по специальности. Он ведь научный работник, в НИИ занимался разработкой новых технологий, а на фирме в начале была только торговля. Импорт лекарств, регистрации, лицензии. Ему даже с таможей приходилось дело иметь. Вы знаете, как он из-за этого нервничал! Потом они организовали производство в Колпино и перевели его туда. Технологом. Он в начале так радовался. Работа по специальности, никаких таможенников, чиновников.

– Говорите, в начале радовался. А потом?

– А потом начались неприятности. Только он мне подробности не рассказывал. Они разрабатывали какие-то лекарства, которые действуют на психику.

– Психотропные?

– Да, психотропные. Он так и говорил. Только там произошло ЧП. Несколько человек, на которых испытывали лекарства, оказались в больнице, а двое умерли. Производство тогда временно закрыли, а Олега и еще нескольких человек послали на четыре месяца в командировку, в Индию. Когда он вернулся, его не узнать было. Мрачный такой весь ходил и ничего мне не рассказывал, но я видела, как он переживает. А потом он выбросился из окна.

– Соболезную. А почему об этом скандале ничего не было слышно? Как называлась эта фирма?

– Фирма... Я не уверена, что помню точное название. Что-то типа «Фармаинтер» или «Фармаинвест». А скандал замяли. У шефов были большие связи, а в девяностые годы... наших знакомых, у которых был бизнес, прямо на улице расстреляли. И никого не нашли.

Девяностые Валерий помнил хорошо. Тогда даже ему приходилось с ребятами несколько раз ездить в Турцию челноком. Потом договариваться с бандитами об охране, чтобы другие бандиты не отобрали.

– А от фирмы что сказали?

– Ничего определенного. Выразили сочувствие, даже деньги заплатили. Вроде как помощь. Еще сказали, что у Олежки всегда была лабильная психика. «Очень чувствительный и ранимый человек». Так его начальник выразился, который со мной разговаривал. Участливый такой человек, действительно мне помог. Поддержал, потом звонил несколько раз, спрашивал, не надо ли чего. Сына помог в детский сад устроить.

– А сейчас вы поддерживаете с ним отношения?

– Нет, он примерно через год перестал звонить. А мне как-то неудобно было навязываться.

– А как его звали? Вы не помните? – спросил Валерий и, увидев ее удивленный взгляд, пояснил: – Понимаете, я ведь психолог. У меня тоже были пациенты со склонностью к самоубийству. Поэтому мне интересно было бы с ним поговорить, может, я смогу как-то другим помочь.

– Сергей Леонидович Шпрагин его звали. Я посмотрю дома, у меня где-то был его телефон записан. Только неправда все это!

– Что именно?

– То, что у Олежки была лабильная психика. Я, конечно, не психолог и не врач, но только с психикой все у него было в порядке. Он ведь в армии служил, к нам часто его сослуживцы приходили. Они его «железным» называл. Говорили, что он во всех передрыгах самообладание

---

¹¹ Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени М. А. Бонч-Бруевича

сохранял. Какая же тут лабильность? Вот вы психолог, как вы считаете, может нормальный, сильный, уравновешенный человек покончить с собой?

– Все возможно. Есть такое понятие – «скрытая депрессия». Человек кажется спокойным, уравновешенным, даже улыбается, а на душе кошки скребут. Вы сами говорили, что он нервничал.

– Так это он в начале нервничал, в торговом отделе. Просто не привык к такой работе. А на производстве первое время был очень спокоен.

– Первое время, а дальше?

– А дальше как-то замкнулся. Говорил, что есть неприятности, но никаких подробностей не рассказывал. Я вам уже говорила. Про те смертные случаи я после его самоубийства узнала. От Юры.

– Он был скрытным человеком?

– Не знаю... Пожалуй, да. Мужчины не любят говорить о своих проблемах. Это мы все рассказываем. У вас, наверное, женщин-клиентов больше?

Действительно женщин-клиентов у Валерия было больше раза в два. Для мужчины делиться своими проблемами значит проявлять слабость. Женщинам в этом отношении проще. Вот и Татьяна Игоревна уже перешла на свои личные проблемы и начала рассказывать про сына – студента в частном университете по специальности «Маркетинг и реклама».

«Почему именно у таких теток, которые постоянно жалуются на отсутствие денег и живут скромно, не вылезая из долгов, дети учатся в частных университетах? Да еще на маркетинге, культурологии, политологии? – думал Валерий. – Почему им не приходит в голову учиться на врача, инженера, учителя, бухгалтера, наконец! Все профессии, где можно найти приличную работу, не имея больших денег или связей. К тому же можно поступить на бюджетное отделение. Может, телевизор виноват? Смотрит такая тетка телевизор, а там все политологи, имиджмейкеры, стилисты. И ей кажется, что если ее отпрыск закончит такую же специальность, то его ожидает успех и интервью по телевизору».

Впрочем, от комментариев на эту тему Валерий воздержался. По своему опыту он знал, что любые комментарии воспринимаются агрессивно и ни к чему, кроме обид, не приводят. Когда человеку что-то достается трудно, то для оправдания затрат он бессознательно создает мощную защиту. Пробрить ее трудно, а часто просто невозможно. В данном случае Татьяна Игоревна наверняка залезла в долги, чтобы платить за учебу для сына. И сейчас она придумывает себе, как ее мальчик, научившись тайнам маркетинга и рекламы, познакомится с влиятельными людьми. Потом и сам войдет в этот волшебный круг телевизионных звезд, у которых всегда модная прическа, белоснежные зубы и «успешный» вид.

В конце разговора, как и ожидал Валерий, Татьяна Игоревна попросила его проконсультировать сына.

– Если можно, сделайте ему какую-нибудь скидку. Вы же понимаете, какое у нас положение!

Валерий согласился. В центре были предусмотрены скидки для нуждающихся. Сам консультант имел право выбрать не более двадцати процентов клиентов, которым их можно предоставить. Сначала Валерию казалось, что двадцать процентов – это очень мало. Но постепенно он начал понимать, что злоупотреблять скидками не стоит. И дело не только в том, что центр и сам психотерапевт меньше зарабатывали. Просто мотивация у клиентов со скидкой часто была ниже.

Иногда Валерию казалось, что он занимается абсолютно бесполезным делом. Больше половины людей, которые к нему приходили, ничего реально менять в себе не хотели. Убедить их в необходимости изменений было невозможно. Точнее, Валерий не мог. Может быть, какой-нибудь гениальный психолог и смог бы, но не он. Зачем же они тогда приходили? Причины были разными. Чаще всего просто поговорить. Многим пообщаться было не с кем или не хоте-

лось получить в ответ критику, обидные замечания или банальные советы «крепиться». Был и худший вариант, когда человек приходил, чтобы получить одобрение своему неадекватному поведению.

Часть коллег Валерия это откровенно поощряла. Они утверждали, что у них «гуманистический» подход к клиентам, а роль психолога сводится к тому, чтобы выслушивать и сопереживать. Давать советы, какие-то наставления строго воспрещается. Вот и получалось, что люди ходили к ним годами. Они, безусловно, получали облегчение от возможности высказаться и пообщаться с приятными людьми, которые всем своим видом демонстрировали эмпатию, но только их проблемы таким образом не решались.

Татьяна Игоревна попрощалась, они договорились созвониться. Валерий задумался о предстоящей встрече с Дашей. Странно, но только сейчас, подумав о том, что через десять минут увидит Дашу, он в первый раз осознал, что Даша ему очень нравится как женщина. Раньше он упорно выкидывал из своего сознания такие мысли, а сейчас это все всплыло и бежать было некуда.

Это означало, что надо решать вопрос об отношениях с Ленкой. С ней Валерий жил вместе уже полтора года. По их молчаливой взаимной договоренности ни о каких долгосрочных обязательствах, тем более, о браке, речи не было. Нельзя сказать, чтобы они договорились о «свободных» отношениях. Они просто не поднимали этот вопрос, хотя Валерий Ленке за это время ни разу не изменял. Она ему, наверное, тоже. Впрочем, о последнем он не задумывался. Честно говоря, это не особенно его волновало.

* * *

Оба подошли к кафе на Малой Садовой одновременно, но с разных сторон, и почти столкнулись у входа. Валерий показался Даше загоревшим и полным энергии, а вот сама она последние несколько дней чувствовала себя усталой. Они сели за уже полюбившийся в прошлый раз столик на двоих у окна. Оба были голодные и сразу же набросились на сэндвичи, которые принесла официантка. Валерий поймал себя на том, что опять начинает есть быстро, глотая большие куски.

С тех пор как он увлекся гештальт-терапией, он старался контролировать процесс пережевывания пищи. Дело было совсем не в заботе о пищеварении. Просто с точки зрения гештальт-терапии быстрая еда и проглатывание больших кусков говорили об инфантильности личности, о ее нахождении на стадии «сосунка», который хочет получать, не давая ничего в ответ. «Инфантильным» Валерию быть никак не хотелось. Вот Даша, хотя он видел ее всего третий раз в жизни, производила впечатление зрелого для своих тридцати двух лет человека. Ее возраст он узнал еще на тренинге.

Разговор начался с обмена новостями. Валерий рассказал о встречах в Израиле и разговоре с Татьяной Игоревной. Даша сообщила о своих размышлениях и поисках в Интернете.

– Хорошо, – сказал Валерий, выслушав ее историю. – Вы говорите, что ему могли что-то подсыпать во время встречи в кафе. Но почему именно там? Почему мы вообще должны считать, что ваши сослуживцы имеют к этому отношение? Может быть, речь идет о совсем других людях?

– Может, – согласилась Даша. – Только Витя в конце той встречи сказал мне, что очень устал и поедет прямо домой. И еще сказал, что дома он сразу ляжет спать. Так что никаких встреч у него не предвиделось. Конечно, кто-то мог неожиданно приехать, но Витя не был общительным человеком. Скорее, замкнутым. К таким людям редко неожиданно кто-то приезжает, хотя, конечно, все возможно.

– Даже у замкнутых людей могут быть знакомые. Кроме того, такой человек о них обычно не распространяется. Если к нему все-таки кто-то приезжал, может быть, это видели соседи?

– Если вы хотите с соседями разговаривать, так они вряд ли что-то расскажут. Сейчас народ подозрительный. Полиция их разве не опрашивала?

– Я об этом думаю. Ко мне приходили из полиции по поводу тренинга. Нормальный такой мужик, понимающий. Может, надо ему позвонить?

– Конечно, позвоните, расскажите и про Ольгу, и про фармацевтическую фирму. Они должны разобраться!

Дашина уверенность в том, что полиция обязательно должна разобраться, показалось Валерию очень трогательной. Сам он не был уверен, что все надо рассказывать полиции, но решил подумать. Прощаясь с Дашей, Валерий спросил:

– Вы не против, если мы перейдем на «ты»?

Даша согласилась и, как ему показалось, даже обрадовалась.

* * *

Марина Андреевна готовилась к встрече одноклассников. По традиции они собирались раз в три года, но последнюю встречу по каким-то причинам, сейчас она уже не помнила каким, Марина пропустила. Она немного волновалась, и было почему! Последний раз она была на встрече шесть лет назад. Тогда им было по сорок шесть – сорок семь лет – самый разгар трудоспособного возраста. Сейчас всем шел уже шестой десяток. У многих из тех, с кем Марина Андреевна поддерживала отношения, уже появились внуки. Кое-кто, особенно женщины, задумывались о пенсии.

У самой Марины Андреевны внуков, к ее радости, не было. Мысль, что ее могут называть бабушкой, приводила в ужас. Сыну было всего двадцать четыре, и жениться он пока не собирался. То, что многие ее одноклассники уже бабушки и дедушки, совсем не радовало. Да еще неизвестно, кто как выглядит! Когда смотришь в зеркало каждый день, не замечаешь, что меняешься. А вот посмотришь на ровесников, и становится не по себе. Марина подумала, что снова, как на предыдущих встречах, все будут хвастаться успехами, квартирами, дачами, показывать фото с крутыми машинами и замечательными, умными, красивыми детьми. И внуками.

Марина Андреевна тоже приготовилась хвастаться. Все-таки она была бизнес-дама, хотя и не очень крупного калибра. Шеф небольшого рекламного агентства. Конечно, если посмотреть объективно, успехи были скромные. Квартира – «трешка» в обычном типовом доме в Сокольниках, машина – «тойота-королла» не первой молодости, а дача вообще мамина.

Мама Марины Андреевны, профессор Никольская, купила эту дачу еще в середине семидесятых. Сейчас их дачный поселок вошел в моду, и маленькая дача неожиданно оказалась довольно дорогой.

Муж и сын Марины тоже были вполне обыкновенными людьми. Оба инженеры с приличными, но совсем не огромными зарплатами. Однако как шеф рекламного агентства Марина прекрасно знала, что весь вопрос не в том, что есть на самом деле, а как это все преподнести. «Преподнести» она умела профессионально и не сомневалась, что на встрече окажется в числе «крутых и успешных».

Первый, кто встретил Марину в кафе, был Игорь Соколов. Странно, что в школьные годы его никто не замечал. Был он тогда небольшого роста, хрупкого сложения и казался года на два моложе своих лет. Совсем ребенок! Учился средне, в обычных подростковых хулиганствах не участвовал, а девчонки вообще не обращали на него внимания, так же как и он на них. Теперь Игорь выглядел респектабельно. Крупный мужчина с самодовольной физиономией и самостоятельным бизнесом. Что-то связанное с торговлей автомобилями. Если использовать американские критерии успеха, которые пропагандировались на всех тренингах и семинарах, то Игорь был его олицетворением. Большая квартира в центре Москвы, дом за городом, «крутой» внедорожник BMW...

Впрочем, он держался со всеми без заносчивости. Похвастаться, правда, любил, но в этом хвастовстве была такая детская радость от успехов, что завидовать Игорю могли только самые озлобленные.

Обняв Марину, Соколов жизнерадостно воскликнул:

– Как живешь, подруга? Прекрасно выглядишь! Чем занимаешься?

– Да вот, тебя жду, – засмеялась Марина.

Когда-то, еще на прошлой встрече они договаривались, что Игорь воспользуется услугами их агентства.

– Я не забыл, не забыл. Раскручусь с текучкой и позвоню.

Дальше все пошло по сценарию. Мужчины говорили о работе и бизнесе, женщины рассказывали про детей и внуков.

Марина Андреевна заметила, что Леночка Зацепина, всегда такая веселая, заводная еще со школьных лет, сегодня выглядела грустной и понурой. С Леночкой (все привыкли так ее называть, что по-другому не получалось) Марина никогда не была близкой подругой, но они любили поговорить и посплетничать. Не только Марина обратила внимание на ее настроение. Леночка заметила, что на нее смотрят и стала объяснять, оправдываясь.

– Вы на меня не обращайтесь внимание, я сегодня не в форме. У меня близкая подруга погибла месяц назад. Я все еще в себя не могу прийти.

Все поспешили выразить соболезнование и сразу же забыли. Разговор перешел в другое русло.

Леночка всегда вызывала у Марины какое-то родительское чувство. Поэтому она не удержалась, подошла к ней и спросила:

– Может, я могу чем-то помочь?

– Нет, спасибо. Чем ты сможешь? Хотя... Может быть, как раз ты и сможешь!

Марина немного удивилась про себя, но вслух сказала:

– Говори, что нужно.

– Ты же ее знала. Это Ольга, которая работала у твоей мамы в Институте. Помнишь, мы прошлым летом случайно на Арбате встретились. Еще в кафе вместе пошли.

Марина вспомнила. Высокая, крупная женщина, лет на десять моложе их с Леночкой. Кажется, она действительно что-то говорила про Институт здорового питания.

– А что с ней случилось?

– Погибла при пожаре у себя дома. Сгорела, точнее, отравилась угарным газом. Но Катя, дочка ее, мне сказала, что полиция подозревает поджог. Даже уголовное дело завели, но ничего пока не нашли.

– А чем я тебе могу помочь?

– Спроси у своей мамы, чем она у нее занималась в Институте. Понимаешь, она мне говорила, что наткнулась на одну фирму, которая людей травит какой-то химией. Может, ее из-за этого и «кокнули»?

Марину немножко шокировало слово «кокнули», но в этом была вся Леночка! В свои пятьдесят два она продолжала выражаться как в двенадцать.

– Хорошо, я поговорю с мамой. А что за фирма? Что-нибудь конкретное Ольга тебе рассказывала?

– Название фирмы она не сказала. Но говорила, что фирма была питерская, а сейчас переехала в Москву. У них здесь офис, а производство где-то под Москвой. На западе, кажется, в районе Можайска.

– А еще что-нибудь ты можешь вспомнить? Постарайся, это же очень важно. Имена какие-то?

– Еще было... Мы с ней сидели один раз в кафе, в Камергерском переулке. Блинчики ели. Мы их обе очень любим, то есть я люблю, а Оля раньше любила, – Леночка была готова заплакать. – Тогда к нам подошел какой-то человек, и Оля очень испугалась.

– Что за человек? Что он говорил?

– Вроде ничего особенного. Просто подошел к нашему столику и сказал: «Здравствуйте, Ольга Алексеевна. Приятно встретиться, надеюсь у вас все хорошо».

Ольга тогда прямо в лице переменилась. Только промямлила: «Да, да, все в порядке».

Я потом ее спросила, что случилось, что за человек, а она сказала:

«Так, просто знакомый».

И сразу же заговорила о чем-то другом.

– А как он выглядел?

– Обычно выглядел. Высокий, подтянутый такой, лет сорока с небольшим. В хорошем костюме.

– А ты уверена, что она действительно испугалась? Может, тебе просто показалось?

– Нет, ты что! Я ведь ее хорошо знаю. Знала, – грустно поправилась Лена и заплакала. – Мы с ней последнее время как сестры были. Ничего, что она младше. На самом деле она была мне как старшая сестра.

В последнем Марина не сомневалась. У каждого, кто общался с Леночкой, было чувство, что он старше, и появлялось желание ее оберегать и заботиться.

* * *

«Человек не меняется. Я такая же девчонка, как и раньше, только в последние пятьдесят лет неважно выгляжу». Эти слова Жанны Луизы Кальман – самой старой женщины Франции, сказанные незадолго до ее смерти в сто двадцать два года, в полной мере относились к профессору Никольской. Ни возраст, ни сопутствующие ему недомогания, не могли остановить ее беспокойную натуру.

За неделю, которая прошла после встречи с Антоном, Никольская успела переговорить с несколькими знакомыми. Это были видные авторитеты в области науки питания, профессор фармацевтики, а также представитель полиции. Кроме того, она пообщалась с сотрудником из управляющей компании дома Ольги. Но ничего нового эти разговоры не принесли. В полиции отвечали уклончиво, ссылаясь на тайну следствия. На прямой вопрос Татьяны Гавриловны, кто мог подсыпать Ольге снотворное, довольно грубо сказали, что ей вообще это знать не положено. Якобы Краснов был обязан не разглашать свои разговоры с органами. Последнее замечание навело ее на мысль, что надо бы опять встретиться с Андреем.

После визита Владимира Ивановича к Краснову никто из полиции к нему больше не приходил. Как свидетеля его тоже не вызывали. Не спрашивали и никого из сотрудников фирмы, присутствовавших на семинаре. Хотя, может, кого-то и вызвали... В конце концов, они не обязаны сообщать об этом Краснову. Ему все это казалось странным. Ведь если кто-то действительно подсыпал Ольге снотворное во время семинара, то следствие должно было подробно поинтересоваться всеми, кто там присутствовал. Кто с Ольгой дружил или наоборот. Андрей не мог понять ситуацию. Это халатность или они разрабатывают какую-то другую версию?

В семь вечера никого из сотрудников фирмы в офисе уже не было. Краснов был не из тех руководителей, которые приходят на работу раньше всех. Почему-то во всех книжках, а особенно в романах, настоящий бизнесмен должен приходиться на работу самым первым. Андрей не понимал зачем. Если бизнес хорошо организован, а организация и есть самая важная задача руководителя, то почему надо торчать в самых больших утренних пробках, чтобы обязательно первым войти в офис.

Зато он часто засиживался допоздна. Когда сотрудники уходили, и в офисе было пусто, Андрею как-то особенно хорошо думалось. Вот и сейчас перед ним стояла задача, которую надо было решить. Когда началась вся эта история с Ольгой, он пытался убедить себя, что это не его проблема. Но проблема была его, потому что мысль о том, что кто-то из сотрудников его фирмы замешан в убийстве, не давала покоя. Андрей вынул из письменного стола копию списка сотрудников, присутствовавших на семинаре, который он передал Куликову.

«Если следователи ничего по этому списку не сделали, то попробую сам!» – решил Андрей.

В списке было двадцать шесть человек. Двое – руководство, сам Андрей и второй учредитель фирмы Борис, который в последнее время почти отошел от бизнеса, что, впрочем, не мешало ему регулярно получать дивиденды. Пятеро – сотрудники офиса. Из них на кофе-брейк остались только двое, остальные ушли после обеда. И еще в списке были девятнадцать представителей. Так кто же из них? Себя, по понятным причинам, Андрей исключил. При этом он с грустью подумал, что это единственный человек, которого он может исключить с полной уверенностью.

Были еще те трое сотрудников офиса, которые не присутствовали на кофе-брейке. Впрочем, Бориса тоже можно было исключить. Всю кофе-паузу он не выходил из семинарного зала, где о чем-то очень оживленно беседовал с представителями из Екатеринбурга. Значит, и они отпадают. Оставалось «всего» девятнадцать человек. Двое сотрудников офиса, которые были на кофе-брейке, и семнадцать представителей.

«Это тебе не то, что у Агаты Кристи! – подумал Андрей. – У нее в романах группа подозреваемых обычно состоит из пяти-шести человек, а очевидных „претендентов“ на убийство не больше трех».

Хорошо бы узнать, кто что делал во время кофе-брейка. Но сам он ничего не помнил. Бориса запомнил только потому, что пару раз Андрей приглашал его и гостей с Урала выйти из зала и выпить кофе или чаю. Но они были так увлечены своим разговором, что просто не обращали на него внимание. Может, использовать метод исключения? Из этих девятнадцати есть такие, которые просто никак не подходят. Например, сотрудники офиса. Лиза – офис-менеджер и Артем. Последний занимался вопросами логистики. Обоих Краснов знал лет сто. С Артемом они дружили еще до его прихода в фирму, когда-то ходили в один спортклуб, где Андрей как старший взял его под опеку. Двадцатидвухлетнюю Лизу он помнил еще ребенком, она была дочкой хороших семейных знакомых. Артем – экономист по образованию, Лиза – филолог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.